

The background of the entire image is a photograph of the aurora borealis (northern lights) over a dark, silhouetted mountain range. The aurora displays vibrant green and purple hues against a starry night sky. The title text is centered in the upper half of the image.

Гуманитарная парадигма

2024

№ 1

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 1 (28) 2024 года

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: Л. Н. Икитян, ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://humparadigma.ru>

E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использовано изображение Northern Lights Over Arctic Expedition Camp - by Noel_Bauza <https://pixabay.com/p-1189929> по лицензии «Creative Commons Zero»

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия (Симферополь), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русская филология, славяноведение и балканистика», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (Евпатория), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Содержание

Литературоведческий аспект

Сафрон Е. А.

Семантика мифа в романе Р. Желязны «Князь света» 6

Шалина М. А.

Образы «святых блудниц» в прозе Ф. М. Достоевского: Лиза в «Записках из подполья» (статья первая) 13

Каменская И. Б.

Концептуальные основы хронотопа романа В. Катаева «Алмазный мой венец» 22

Культурно-историческое наследие

Кожин В. В.

Гурзуфский мир Марины Цветаевой: мемориальный аспект (к вопросу формирования музейного пространства) 31

Пространство текста

Картавая Ю. К.

Метаязык вариантности синтаксических терминов 44

Кравченко О. Г.

Механизмы воздействия в научном тексте (на примере сборников материалов конференций) 55

Костяникова А. И.

Организация текстовой деятельности на занятиях русского языка как иностранного (В1). Методическая разработка практического занятия «Жизнь и творчество А. С. Пушкина» 64

Авторам

72

Content

The literary aspect

Safron E. A.

Semantics of myth in R. Zelazny's novel "Lord of light" 6

Shalina M. A.

Images of "holy harlots" in the prose of F. M. Dostoevsky: Lisa in "Notes from underground" (article one) 13

Kamenskaya I. B.

Conceptual basis of the chronotope of the novel "My diamond crown" by V. Kataev 22

Cultural and historical heritage

Kozhin W. W.

Gurzuf world of Marina Tsetaevaya: memorial aspect (on the issue of forming a museum space) 31

Text space

Kartavaya Yu. K.

Metalanguage of variation of syntactic terms 44

Kravchenko O. G.

Mechanisms of influence in scientific texts (using the example of collections of conference materials) 55

Kostyanikova A. I.

Organization of text activity in russian as a foreign language (B1). Methodological development of the practical lesson "A. S. Pushkin. Life and creativity» 64

For Authors

72

Литературоведческий аспект

УДК 82-313.2

Сафрон Елена Александровна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры германской филологии и скандинавистики,
Институт филологии,
Петрозаводский государственный университет;
Российская Федерация, Петрозаводск, e-mail: 00inane@gmail.com

СЕМАНТИКА МИФА В РОМАНЕ Р. ЖЕЛЯЗНЫ «КНЯЗЬ СВЕТА»¹

Рассматриваются мифологические компоненты в романе Р. Желязны «Князь света», чей жанр можно охарактеризовать как синтез научного фэнтези и антиутопии. Анализируется разнообразие компонентов буддийской и индуистской мировоззренческих систем, транслируемых в романе. Выясняется, что главный герой совмещает в себе черты трикстера и мифологического культурного героя, который с лёгкостью жертвует собой ради гуманистических идеалов.

Ключевые слова: культурный герой-добытчик, мифология, буддизм, индуизм, научное фэнтези, гуманизм, трикстер.

Elena A. Safron

Doctor of Philology, Docent,
Professor of the Germanic Philology and Scandinavian Studies Department,
Institute of Philology;
Petrozavodsk State University, Russia, Petrozavodsk

SEMANTICS OF MYTH IN R. ZELAZNY'S NOVEL "LORD OF LIGHT"

¹ Исследование выполнено с использованием гранта Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Abstract. *The article considers the mythological components in R. Zelazny's novel "Lord of Light", whose genre can be characterized as a synthesis of scientific fantasy and dystopia. The author of the article analyzes the variety of components of the Buddhist and Hindu worldview systems transmitted in the novel. It turns out that the main character combines the traits of a trickster and a mythological cultural hero who easily sacrifices himself for the sake of humanistic ideals.*

Key words: *cultural hero-breadwinner, mythology, Buddhism, Hinduism, science fantasy, humanism, trickster*

Для цитирования:

Сафрон, Е. А. Семантика мифа в романе Р. Желязны «Князь света» // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 6–12.

На сегодняшний день творчество Роджера Желязны (вариант перевода – Зилазны, 1937–1995) почти не востребовано отечественными читателями. Напротив, на Западе круг поклонников его книг продолжает оставаться довольно обширным. Более того, писатели, известные всем ныне живущим любителям фантастики – Нил Гейман и Джордж Мартин – называют его своим вдохновителем. Джордж Мартин считал также его и своим близким другом, поэтому в статье «In Memoriam: Roger Zelazny» он заявил: «Роджер Желязны оставил след в фантастической литературе так же, как он оставил след в моей жизни» [19, с. 24]. Нил Гейман посвятил свой самый успешный роман – «Американские боги» именно Р. Желязны.

В свою очередь, отечественная гуманитарная наука обращает внимание на творчество этого писателя преимущественно в контексте лингвистики: А. Ю. Белецкая «Аллюзии в цикле Мерлина “Хроник Амбера” Р. Желязны» [3], А. Ю. Белецкая, С. В. Мангушев «Языковые средства репрезентации хронотопа Хаоса в цикле романов Р. Желязны “Хроники Амбера”» [4], В. А. Пачколин «Семантико-структурные особенности романов Р. Желязны “Хроники Эмбера”» [13] и т. д. Статьи О. В. Анисимовой «Портрет писателя: особенности художественного метода Роджера Желязны» [2], «Аллюзии в “Хрониках Эмбера” Роджера Желязны (цикл Корвина)» [1] пока является единственными исследованиями творчества писателя с позиции литературоведческих проблем. Описанная ситуация и определяет актуальность настоящего исследования: представляется необходимым представить разносторонний анализ художественного наследия Р. Желязны, внесшего весомый вклад в мировой литературный фантастический процесс.

Научная новизна исследования заключается в том факте, что ранее не было написано ни одной научной работы, посвященной выявлению

компонентов мифологического мировоззрения в романе «Князь света», так как основное внимание учёных обычно направлено именно на цикл «Хроники Эмбера».

Цель настоящей статьи — проанализировать специфику преломления в творческом сознании Р. Желязны компонентов индийской мифологии в романе «Князь Света». Отметим, что под индийской мифологией мы будем понимать как мифологию индуизма, так и мифологию буддизма, которые, согласно авторскому замыслу, представлены в романе в неразрывном единстве.

Роман «Князь света» (варианты перевода — «Бог Света») был написан в 1967 году. Р. Желязны, как и многие другие представители так называемой «Новой волны», возникшей в фантастике США и Великобритании в 1960-е гг. [14], экспериментировал с жанровыми формами, искал выход за пределы исчерпавших себя шаблонно. Поэтому анализируемый текст можно отнести к научному фэнтези с элементами антиутопии: законы художественной вселенной, придуманной писателем, строятся как с точки зрения научного рационализма, так и магического иррационализма, причём эти два типа мировоззрения представлены в неразрывном единстве. При этом в мире, чей климат, флора и фауна почти полностью совпадают с индийскими, функционирует социальная модель, организованная бывшими жителями Земли, которая сознательно тормозит технический прогресс на заселённой ими планете.

По образцу индуистской мифологии планетой управляет Тримурти — триада богов, состоящая из Шивы, Брахмы и Вишну. Когда-то они были людьми, прилетевшими с погибшей в катастрофе Земли на корабле «Звезда Индии», но со временем с помощью достижений в области медицины и техники научились переселяться в новые тела и развили целый ряд сверхъестественных способностей.

Роджер Желязны бережно воспроизводит всевозможный набор мифологических образов буддизма и индуизма. Так, спасти Будду от гнева Ямы приходят Хранители мира с горы Сумеру — священной золотой горы, центра мира [10]: Владыку Севера сопровождают якши — духи природы в облике воинов [20], Владыку Юга Вирудхаку — кумбханды — уродливые демонические карлики [5, с. 28], Владыку Востока — наги — змееподобные полубожества [12, с. 195]. Все эти существа известны по ведическим и буддийским каноническим текстам, и очевидно, что писатель был с ними хорошо знаком.

Примечательно, что на стороне Будды, протагониста романа — символа света, выступают боги, связанные с тьмой: бог смерти Яма, и богиня ночи

Ратри. С одной стороны, образ Ямы в ведической традиции определяется мотивом борьбы: изначально рождённый смертным (в сущности, он первое существо, согласно индийской мифологии, которое умирает), он вступает в схватку с богами, чтобы получить вечную жизнь, в результате которой они признают, что «он стал таким, как мы» (Тайттирия-самх. II 5. 11). С другой стороны, Яма не только правит мёртвыми, но и судит их, поэтому он также следит за тем, как соблюдается дхарма — всеобщий нравственный закон [7, с. 683], поэтому тот факт, что он сопровождает Будду, открывшего, согласно буддийской мифологии, закон дхармы [15, с. 62], представляется вполне логичным. Согласно авторской задумке, Яма, по сути, выполняет роль демиурга этого мира: он изобретает все устройства, обеспечивающие «божественный» быт жителей Небесного Града: летательные аппараты, оружие, атрибуты божеств.

Сверхъестественная составляющая романа имеет научное объяснение: бывшие земляне привезли с собой на планету свои изобретения, в том числе, разработки в области селекции и генетики, позволяющие переселять души в новые тела: «Банк спермы и яйцеклеток, резервуары для выращивания и камеры для готовых тел <...> оборудование для переноса было демонтировано и погружено на лошадей» [8, с. 121].

Главный герой — Сэм Калкин — решает основать буддизм в противовес индуизму, чтобы противостоять деспотизму Первых (богов), соответственно, он определяет себя как Будду. Герой, как и Будда исторический, имеет множество имён-эпитетов: Татхагата (санскритское и палийское — «тот, кто вышел за пределы» или «постигший таковость (бытие)» — эпитет любого буддийского святого [6, с. 496], Майтрейя (санскритское «тот, кто есть любовь», палийское — «связанный с дружбой») — Будда будущего [11, с. 89].

Архетипический по своей природе мифологический сюжет о ментальном поединке Будды и Мары Р. Желязны творчески переосмысливает: боги посылают Яму убить Будду за то, что последний восстал против их власти. На стороне Сиддхартхи выступают Хранители сторон света, которых Яма успешно побеждает, но перед Просветлённым оказывается бессильным, так как Будда идёт на хитрость: он увлекает Яму долгой беседой, пока тот, не замечая, погружается в зыбучие пески. Тем не менее он, следуя гуманистическим принципам, не лишает Яму жизни, а позволяет своим монахам вытащить его.

Изворотливость героя, его бесконечные переодевания, безрезультатные попытки его убить, смена тел говорят о том, что Р. Желязны наделяет его чертами трикстера. Сэм-Будда начинает конфликт: выступает против богов, в попытке изменить существующий миропорядок, и, вместе с тем, предлагает

новую для жителей планеты религию, основанную на идее пацифизма, таким образом, реализуя «основную функцию Трикстера — быть точкой совмещения несовместимого, которая порождает новое» [16, с. 38]. А. В. Шевякова настаивает на том, что трикстер и культурный герой представляют собой символы различных мировоззрений («культурный герой является мифологическим выразителем перспективы научного мышления и горизонта научных открытий» [17, с. 32], а трикстер решает единичную задачу, не обладающую космическим статусом), мы, вслед за Е. М. Мелетинским [9, с. 184], утверждаем, что герой Р. Желязны эти две функции гармонично совмещает.

В духе языческой традиции трактуется понимание природы божественного, где божество представляет собой персонификацию какой-либо силы или качества личности: «Быть богом — это быть способным быть самим собой, причём до такой степени, что страсти твои соответствуют уже силам мироздания, и видно это любому, кто на тебя ни посмотрит, и нет надобности называть твоё имя. <...> Становишься главным благодаря главной своей страсти. И говорят тогда вззирающие на богов — даже не зная их имён — „Это Огонь. Это Танец. Это Разрушение“» [8, с. 242].

В основе сюжета романа лежит мифологический сюжет о деятельности культурного героя-добытчика [9, с. 198–199]: подобно древнегреческому Прометею, Сэм альтруистически ведёт ожесточенную борьбу против тех, кто тормозит техническую революцию в угоду собственному эгоизму.

Представленный в финале романа мотив исчезновения героя можно интерпретировать через сюжет об «отдыхающем боге»: создатель творит мир, а потом удаляется из него для накопления новых сил, таким образом, присутствуя в этой вселенной имплицитно [18, с. 98–99]. Этот миф реализуется, скажем, в сюжете о смерти короля Артура: согласно одной из версий, он просто спит на Аваллоне, но когда наступит необходимость, он вернётся, чтобы спасти Великобританию от врагов.

Роджер Желязны транслирует гуманистические идеалы и делает это в духе своего времени: Карибский кризис, первые полёты в космос, культурная революция в Китае, война во Вьетнаме, формирование культуры хиппи, сексуальная революция — все эти тенденции заставляют снова задуматься о месте индивидуальной личности во всемирном историческом процессе. Именно поэтому характеристика, данная Ямой Будде, не теряет своей актуальности и подчёркивает ценность сильной личности: «Армия, какой бы огромной она ни была в пространстве, может оказывать противодействие лишь на коротком отрезке времени. Один же человек, ничтожный в пространстве, может распространить своё сопротивление на многие и многие

годы, если ему повезёт и он преуспеет в передаче своего наследия» [8, с. 174]. Таким образом, несмотря на то, что писатель обращается к новаторскому для своего времени жанровому синтезу, он транслирует традиционные ценности — веру в гуманизм, веру в силу человеческой личности, борющейся против несправедливости. Сам факт интереса к индийской традиции, нашедшей в лице Р. Желязны ревностного последователя, также обусловлен потребностью времени: на 1960-е гг. приходится становление культуры хиппи, которая «открывает» для США йогические медитативные практики, ценности буддизма и индуизма. Одними из основных идейных установок хиппи были требование соблюдения человеческого отношения друг к другу и стремление к сохранению своей самости. Вспомним, что и герои романа легко меняют тела, но только протагонистам удаётся сохранить свою истинную природу, остаться верными себе и своим нравственным установкам.

Литература

1. Анисимова, О. В. Аллюзии в «Хрониках Эмбера» Роджера Желязны (цикл Корвина) // Litera. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/allyuzii-v-hronikah-embera-rodzhera-zhelyazny-tsikl-korvina> (дата обращения: 02.02.2024).
2. Анисимова, О. В. Портрет писателя: особенности художественного метода Роджера Желязны // Litera. 2021. № 4. С. 145–153.
3. Белецкая, А. Ю. Аллюзии в цикле Мерлина «Хроник Амбера» Р. Желязны // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3. С. 12–24.
4. Белецкая А. Ю., Мангушев, С. В. Языковые средства репрезентации хронотопа Хаоса в цикле романов Р. Желязны «Хроники Амбера» [Электронный ресурс] // Litera. 2020. № 2. URL: https://nbpublishxomfibrary_read_article.php?id=32454 DOI: 10.25136/2409-8698.2020.2.32454
5. Волкова, О. Ф. Кумбханда // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М. : Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 28.
6. Волкова, О. Ф. Татхагата // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М. : Рос. энциклопедия, 1997, Т. 2. С. 496.
7. Гринцер, П. А. Яма // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М. : Рос. энциклопедия, 1997, Т. 2. С. 682–683.
8. Зилазни, Р. Князь света. СПб. : Северо-Запад, 1992. 414 с.
9. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. М. : Наука, 1976. 406 с.

-
10. Описание Джамбудвипы [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20071107224347/http://www.vyasa.ru/books/ShrimadBhagavatam/?id=400> (дата обращения: 01.02.2024).
11. Мьяль, Л. Э. Майтрейя // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М. : Рос. энциклопедия, 1997, Т. 2. С. 89.
12. Мьяль, Л. Э. Наги // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М. : Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 195.
13. Пачколин, В. А. Семантико-структурные особенности романов Р. Желязны «Хроники Эмбера» [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2019, ноябрь. № 48 (286). URL: <https://moluch.ru/archive/286/64403/> (дата обращения: 01.02.2024)
14. Сорочан, А. Ю. Новая волна в литературе второй половины XX века. Материалы к справочнику [Электронный ресурс]. http://samlib.ru/s/sorochan_a_j/nowaja.shtml (дата обращения: 11.09.2023).
15. Торчинов, Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 304 с.
16. Чернявская, Ю. В. Трикстер, или Путешествие в хаос // Человек. 2004. № 3. С. 37–52.
17. Шевякова, А. В. Культурный герой и трикстер: функциональные и онтологические сходства // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1 (21). С. 32–42.
18. Элиаде, М. Аспекты мифа. 4-е изд. М. : Академический проект, 2010. 251 с.
19. Martin, G. R. R. Foreword // Zelazny, T. Shadows and Reflections: A Roger Zelazny Tribute Anthology. Floyd : Positronic Publishing, 2017. 242 p.
20. Stefon, M. Yaksha // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/yaksha> (дата обращения: 01.02.2024).

~

УДК 821.161.1

Шалина Марина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
филологических дисциплин и методик их преподавания,
Евпаторийский институт социальных наук (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;
Российская Федерация, Евпатория, e-mail: marie_ka@mail.ru

**ОБРАЗЫ «СВЯТЫХ БЛУДНИЦ» В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ЛИЗА В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
(статья первая)**

Статья посвящена исследованию женских образов в поэтике Ф. М. Достоевского в свете концепции положительного идеала. Творчество писателя известно своей диалектичностью, и формула положительного героя также подчиняется принципу противоречия: одним из доминантных образов в его художественной системе явлена падшая женщина, самым значимым вариантом которой выступает образ «святой блудницы». В повести «Записки из подполья», ставшей «прологом ко всему великому пятикнижию» Достоевского, речь идёт об образе проститутки Лизы, благодаря встрече с которой и происходит внутренний сдвиг в подпольном парадоксалисте, так же как затем это произойдет с Раскольниковым после знакомства с Сонечкой Мармеладовой. В свете своей магистральной идеи «восстановления погибшего грешника» писатель переосмысливает традиционное отношение к образу блудницы, делая именно такой женский образ проводницей героя-идеолога к духовному спасению.

Ключевые слова: Достоевский, «Записки из подполья», женские образы, положительный идеал, падшая женщина, «святая блудница», подполье, живая жизнь.

Marina A. Shalina

PhD of Philology, Associated Professor of Department
of linguistic disciplines and methods of teaching,
Yevpatoriya Institute of Social Sciences (branch),
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Yevpatoria

**IMAGES OF “HOLY HARLOTS” IN THE PROSE OF F. M. DOSTOEVSKY:
LISA IN “NOTES FROM UNDERGROUND” (article one)**

Abstract. *The article is devoted to the study of female images in the poetics of F. M. Dostoevsky in the light of the concept of a positive ideal. The writer's work is known for its dialecticism, and the formula of a positive hero is also subject to the principle of contradiction: one of the dominant images in his artistic system is a fallen woman, the most significant version of which is the image of the "holy harlot." In the story "Notes from the Underground," which became the "prologue to the entire great pentateuch" of Dostoevsky, we are talking about the image of the prostitute Lisa, thanks to the meeting with whom an internal shift occurs in the underground paradoxist, just as this will happen with Raskolnikov after meeting Sonechka Marmeladova. In the light of his main idea of "restoration of the lost sinner," the writer rethinks the traditional attitude to the image of the harlot, making just such a female image the guide of the hero-ideologist to spiritual salvation.*

Key words: *Dostoevsky, "Notes from the Underground," female images, positive ideal, fallen woman, "holy harlot," underground, living life.*

Для цитирования:

Шалина, М. А. Образы «святых блудниц» в прозе Ф. М. Достоевского: Лиза в «Записках из подполья» (статья первая) // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 13–21.

В качестве преамбулы следует отметить, что образы «падших женщин» являются одними из доминирующих в творчестве Ф. М. Достоевского. В исследовании Н. Н. Мельниковой предложена классификация, в которой выделены 4 типа образов: 1) тип «соблазненных» девушек, то есть тех, кто вступил в контакт с мужчиной до брака по наивности или принуждению; примерами могут служить образы Вареньки Добросёловой («Бедные люди»), Катерины («Хозяйка»), Лизы Долгорукой («Подросток»), Лизаветы Смердящей («Братья Карамазовы»); 2) тип «содержанки», к которому относятся женщины, находящиеся на обеспечении мужчин, с которыми они не состоят в браке и уже не любят своих сожителей, это образы Настасьи Филипповны («Идиот»), Грушеньки («Братья Карамазовы»); 3) любовницы — женщины, состоящие во внебрачных отношениях с любимыми мужчинами, будучи замужем за другими, это пример Софьи Андреевны Долгорукой, мамы Подростка; 4) тип собственно падшей женщины, то есть проститутки, представленный в художественном мире писателя образами Лизы («Записки из подполья») и Сонечки Мармеладовой («Преступление и наказание») [см. 7].

По нашему убеждению, такое множество образов падших женщин в творчестве Достоевского имеет не столько социально-исторические причины (как принято было истолковывать в современной автору критике), сколько

соотносится с общей концепцией героя, и именно — идеей «восстановления погибшего грешника», то есть духовном движении личности от заблуждения, «безобразия», от греха (падения) к обретению пути, восстановлению в себе образа Божия, к духовному воскресению.

Данная статья посвящена рассмотрению образа Лизы и его функций в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья».

Повесть «Записки из подполья» была практически не замечена современными критиками в период публикации, но затем, уже после выхода в свет романа «Преступление и наказание», оценена по достоинству. Сегодня повесть признаётся прологом ко всем великим романам Достоевского, одним из первых «идеологических» произведений классика, а также философским обоснованием экзистенциализма. Обычно внимание исследователей сосредоточено на главном герое-повествователе — безымянном Парадоксалисте. Анализу подвергается как его дискурс, так и идеологическая программа — философия и психология «подполья», утверждения «своевольного хотения» и в то же время иррационального бунта против здравого рассудка и желания добра для себя и окружающих. Между тем сам подпольный человек на страницах своей исповеди восклицает: «...в романе надо героя, а тут *нарочно* собраны все черты для антигероя...» (курсив автора) [4, т. 5; 178], «роли теперь окончательно переменились, <...> героиня теперь она» [4, т. 5, с. 175].

Повествователь говорит о Лизе — девушке из борделя, куда герой случайно попадает в компании псевдодрузей. О знаменательной встрече с нею он вспоминает 16 лет спустя, когда уже плотно обосновался в своём «подполье». Ей он посвящает повесть «По поводу мокрого снега», которой иронично предпосланы строки из стихотворения Некрасова: «Когда из мрака заблужденья/ Горячим словом убежденья/ Я душу падшую извлек,/ И, вся полна глубокой муки,/ Ты прокляла, ломая руки,/ Тебя опутавший порок...» [4, т. 5, с. 124].

К моменту встречи с Подпольным Лиза только две недели как попала в дом терпимости, и герой надеется повлиять на неё «жалкими словами», рисуя страшные картины того, как заканчивают жизнь женщины её профессии. На самом же деле он просто ставит психологический эксперимент, наслаждаясь своим влиянием на личность несчастной девушки и тем самым самоутверждаясь.

Неожиданно происходит «чудо»: Лиза тянется к Подпольному, приходит к нему снова, раскрываясь перед ним, желая поделиться самым сокровенным — письмом влюблённого в неё студента. Девушка, не обладая особыми интеллектуальными способностями, понимает героя даже лучше,

чем он сам, а именно, что он несчастен и тоже отчаянно нуждается в любви и сострадании. Лиза даёт ему это. Однако, оскорблённый её жалостью, не ведающий любви, в порыве гордыни и злости, Подпольный вкладывает ей в руку деньги за визит, тем самым оскорбляя её и перечёркивая важнейший акт личностного доверия. Именно этот случай окончательно заставил его уйти в своё уединённое «подполье». И жизнь героя на долгие годы становится тянущейся мукой самоистязания.

А. Вдовин в современном комментарии к «Запискам из подполья» отмечает, что «в повести есть только один персонаж, разрывающий <...> порочную цепочку рабства и деспотизма [имеются в виду отношения подпольного с товарищами по службе и со слугой Аполлоном], — это Лиза. Она искренне сострадает герою, что шокирует его и заставляет мстить ей за нарушенную логику рабства» [2]. Автор статьи пишет, что «эта месть, продиктованная рабским сознанием “подпольного человека”, позволяет увидеть в его характере черты ресентимента — знаменитого понятия, предложенного Фридрихом Ницше для обозначения сложного комплекса чувств, когда человек создаёт себе образ врага, чтобы приписать ему вину за все свои неудачи» [Там же].

Образ Лизы в «Записках из подполья» структурно необходим и выполняет особую функцию — быть жизненным противопоставлением всем рационально обоснованным Подпольным схемам и убеждениям.

Показательно, что положительные героини Достоевского зачастую наделены так называемой «тихой красотой» — внешностью неяркой, мягкой, иногда даже невзрачной, но чем-то привлекающей с первого взгляда. Таковы портреты Сони Мармеладовой, Софьи Андреевны Долгорукой, матери Подростка, Софьи Улитиной, книгоноши из романа «Бесы». Лизу герой описывает так: «Машинально я взглянул на вошедшую девушку: передо мной мелькнуло свежее, молодое, несколько бледное лицо, с прямыми тёмными бровями, с серьёзным и как бы несколько удивлённым взглядом. Мне это тотчас же понравилось; я бы возненавидел её, если б она улыбалась. Я стал вглядываться пристальнее и как бы с усилием: мысли ещё не все собрались. Что-то простодушное и доброе было в этом лице, но как-то до странности серьёзное. Я уверен, что она этим здесь проигрывала, и из тех дураков её никто не заметил. Впрочем, она не могла назваться красавицей, хоть и была высокого роста, сильна, хорошо сложена. Одета чрезвычайно просто» [4, т. 5, с. 151].

Обращает на себя внимание то, что во многих произведениях Достоевского имеются героини с именами Софья и Елизавета [см. 5]. Можно говорить о том, что это любимые женские имена у писателя. София в переводе

с греческого обозначает «премудрость Божья», а Елизавета — имя древнееврейское, означающее буквально «почитающая Бога». В произведениях Достоевского оно функционирует в вариантах Лиза, Лизавета, Луиза [подроб. 5]. Л. П. Щенникова отмечает, что это имя «несёт в себе особое, «достоевское» семантическое ядро» и существует определённая типология героинь с этим именем.

Так, *юродивых* Лизавет в романах «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» объединяет некоторая странность поведения, немногословность, склонность к уединению. В двух последних произведениях отношение окружающих к героиням неоднозначное: их любили, но осуждали за якобы гордое поведение, которое оказывалось на самом деле не таким. Но если блаженная Лизавета из «Бесов» много лет не выходила за пределы своей кельи, то Лизавету Смердящую из «Братьев Карамазовых» можно назвать вечной скиталицей. Лизавета Ивановна, сестра старухи-процентщицы в «Преступлении и наказании» названа в романе «чуть не идиоткой», однако это «означает не столько интеллектуальную ущербность, сколько сердечную простоту „дурочки“, кротость и безответность» [10].

Другой тип Елизавет представляют собой героиня романа «Бесы» — Елизавета Тушина и персонаж «Братьев Карамазовых» «бесёнок» Лиза Хохлакова. Поведение обеих героинь отличает истеричность. Близка им и Лиза Версилова в романе «Подросток» — такая же «добровольная искательница мучений». Л. П. Щенникова, утверждает, что «эти четыре одержимые Лизы сближаются Достоевским не только соименностью, но и психологической и «судьбоносной» типологией» [10]. По мысли М. С. Альтмана, некоторые «Лизы» у Достоевского восходят и к конкретным прототипам (Елизавета Прокофьевна Епанчина в романе «Идиот» — к Елизавете Федоровне Корвин-Круковской и к пушкинской Лизавете из «Пиковой дамы») [1, с. 182].

У М. С. Альтмана находим ещё одно интересное наблюдение о том, что имеется так называемая «локальная связь» между Лизой из «Записок из Мёртвого дома» и Лизой из «Записок из подполья» — обе они из Риги. В «Преступлении и наказании» хозяйку квартиры Сонечки (то есть содержательницу «дома терпимости») звали Луизой Ивановной. Переключки имён Лиза-Луиза, по мнению исследователя, передаёт определённую ономастическую традицию того времени — называть продажных женщин «Луизами» [1, с. 181]. Вместе с тем, здесь Достоевский следует ещё одной литературной — уже топонимической — традиции — ассоциативной связи проституции с городом Ригой, так как, по воспоминаниям, например, Н. С. Лескова, Рига «по своей развращённости занимает первое место в

Европе и представляет собой главный женский рынок в российских пределах» [Цит. по: 1, с. 182].

Вернёмся к анализу образа Лизы в повести «Записки из подполья». С одной стороны, Достоевский рисует вполне типичный образ падшей женщины, соблюдая в его построении определённые литературные традиции. Но, с другой стороны, можно утверждать, что уже с повести «Записки из подполья» писатель переосмысливает сложившееся отношение к образу блудницы. Так, в произведении именно проститутка Лиза выступает настоящей, подлинной героиней. В исследовательской литературе отмечено, что в женщине очевидны качества личности, высочайше развитой. *Сильной личностью*, по убеждению Достоевского, можно назвать того, в ком развито «самовольное, совершенно сознательное и никем не принуждённое самопожертвование всего себя в пользу всех» [4, т. 5, с. 79]). Однако жертвенность героини — ещё не все качества, делающие её носительницей авторского идеала.

Основной идеей повести можно считать развенчание «подполья». Поскольку данный процесс ведётся с помощью принципа доказательства от противного: главному феномену — «подполью», включающему в себя гордыню, безверие, книжность, пассивное мечтательство, отъединение от жизни и окружающего мира — противопоставлена идея «живой жизни», то есть реального, а не эфемерного существования, наполненного участием, любовью, состраданием.

Можно заключить, что в Лизе воплощена стихия «живой жизни», сущностные качества героини противоположны характеристике подпольного и составляют содержание феномена «живой жизни» в повести. Так, отрыву от народной почвы Подпольного противопоставлена укоренённость в ней Лизы; его «разорванному сознанию», раздвоенности противопоставлена цельность её натуры; «книжности» и позёрству — непосредственность и простота; разлагающему рассудку — мудрое сердце; его озлобленности и мстительности — её способность почувствовать чужую боль и даже в обидчике увидеть *несчастливого* человека; эгоизму, индивидуализму и «своевольному хотению» — любовь и способность к самопожертвованию.

Постоянно рефлексирующий ум человека из «подполья» не может ни на чём остановиться, герой провозглашает тезис и тут же противоречит себе, закольцовываясь в отрицании. Вместо этого Лиза обладает чистым сердцем, и именно оно делает её особенной для Достоевского. Её «главный ум» остаётся нетронутым ни физическим развратом жизни проститутки, ни самоотрицающим рассудком и рационализмом. Образ Лизы предшествует концепции образа Сонечки Мармеладовой — любимой героини писателя и

соответствует типу «святой блудницы».

Как было отмечено выше, миф о возрождении (духовном очищении и социальном восстановлении) падшей женщины считается одним из наиболее ярких в русской литературе классического «золотого» века. По замечанию Н. А. Мельниковой, данный сюжет «органично вписывается в “мифологическую традицию” русской литературы, впитавшую в себя идеи христианского вероучения» [6, с. 109]. Исследовательница пишет, что традиционно миф о возрожденной грешнице связан с именем Марии Магдалины, но, во-первых, это не единственная библейская блудница (приведём в пример Марию Египетскую, вавилонскую блудницу, Раав); во-вторых, сам образ согрешившей женщины отсылает нас к праматери Еве — первой грешнице; в-третьих, представление о Марии Магдалине как о кающейся падшей женщине отражено не во всех ветвях христианства (так, в православной традиции Мария Магдалина почитается как равноапостольная святая мироносица, для представителей же гностицизма она — любимая ученица Христа, получившая от Него особые откровения); в-четвертых, в Святом Писании образ блудницы метонимически переносится и на сам социум — Израиль; в-пятых, «в учении катаров отношения между Христом и Магдалиной трактуются как богосупружеский союз» [6, с. 110]. Автор утверждает, что «можно говорить о сложившейся в русской литературе мифологеме падшей женщины (или архетипе, в соответствии с терминологией К. Г. Юнга), вобравшей главные характеристики христианского прообраза блудницы, представленного в библейской мифологии сразу несколькими персонажами» [Там же].

В этом смысле следует отметить противопоставление концептуальных образов непорочной девы Марии, своей чистотой и добродетелью явившей достоинство стать сосудом для Боговоплощения, и Марии Магдалины, блудницы, прощённой Христом в знак того, что никто из потомков Евы не чист перед Господом, но заслуживает прощения, если покается в грехах и «возлюбит много». Достоевский, глубоко понимая сущность христианства, отображает мир, погрязшим во грехе, заблуждениях ума и духа, но ожидающим искупления и милости Богочеловека. «Святые блудницы» в поэтике писателя как нельзя ярче иллюстрируют это ожидание и надежду на прощение.

Можно заметить, что Лиза наделена «детскими» чертами, что в поэтике Достоевского имеет положительную семантику и означает близость ко Христу. Девушка искренне раскаивается в грехе, а человек из «подполья» стремится во что бы то ни стало оправдать себя даже в глубочайшем нравственном падении. Его исповедь является антиисповедью, ведь это

признание в своих пороках без покаяния.

Встреча с Лизой стала точкой соприкосновения с «живой жизнью», и эта встреча перевернула весь выдуманный и привычный «книжный» мир героя. Девушка открыла ему истину простых человеческих чувств — доверия и тепла, — неведомых ему раньше. Однако прикосновение к непривычному живому доставляет герою невероятную боль, причиняет мучения: «“Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что дышать стало трудно» [4, т. 5, с. 176]. Даже после первой встречи с Лизой Подпольный сознаётся: «Я был измучен, раздавлен, в недоумении. Но истина уже сверкала из-за недоумения. Гадкая истина!» [4, т. 5, с. 163]. Это истина яркого осознания своего «мертворождения», а значит, чуждости всему живому, настоящему.

Ю. А. Романов пишет о том, что «образ Лизы оценивается как разновидность женского архетипического образа, отражающего презентацию Мадонны (по системе К. Г. Юнга — архетип Матери)» [8, с. 34]. Нужно отметить, что для художественного мира Достоевского традиционны образы женщин сострадающих, поскольку, как считал писатель, именно материнские качества, заложенные в женщине, обеспечивают ее способность любить, понимать, прощать и даже воскрешать духовно падшего. Так, устами самого подпольного автор говорит «...для женщины в любви-то и заключается всё воскресение, всё спасение от какой бы то ни было гибели и всё возрождение, да иначе и проявиться не может, как в этом» [4, т. 5, с. 176]. «Лиза, оскорблённая и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чем я воображал себе, — признает Подпольный. — Она поняла из всего этого то, что женщина всегда прежде всего поймёт, если искренно любит, а именно: что я сам несчастлив» [4, т. 5, с. 174].

Рисуя Лизу и её самоотверженную, чистую человеческую любовь, Достоевский призывает читателя к милосердию и прощению. Блудница, грешница, Лиза следует непосредственному зову сердца, поступает по заповеди Христовой — возлюбить ближнего, простить обидящего и ненавидящего» [9, с. 196].

Н. И. Димитрова, исследуя рецепцию женских образов Достоевского Николаем Бердяевым, пишет, что, «по убеждению философа, мужские образы у Достоевского — носители логосного начала, а героини олицетворяют природное, стихийное начало» [3, с. 130], и это соответствует традиционным архаическим мифологическим представлениям. Таким образом, «Бердяевым сформулирована оппозиция между логосным (воплощенным в мужчине) и природным (воплощенным в женщине) началами» [Там же]. Женское начало является воплощением софийности — то есть мировой гармонии, единения. Исследователь подчёркивает: «несмотря на то, что эта софийность “падшая”

(факт, о котором свидетельствует трагическая судьба героинь), она всегда в единении, а не в оппозиции с логосом» [3, с. 132].

В произведении, которое стало преамбулой ко всему зрелому творчеству, Достоевский не только открыл и описал болезнь времени — духовное «подполье», но и указал путь спасения для «мертворождённых» — возвращение к «живой жизни». Но не прямым способом, а опосредованно, методом «доказательства от противного», воплощением через положительный образ героини-блудницы.

Литература

1. Альтман, М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976. 280 с.
2. Вдовин, А. Федор Достоевский. «Записки из подполья». 1864 [Электронный ресурс] // Полка. URL: <https://polka.academy/articles/535>
3. Димитрова, Н. И. Женские образы Ф. М. Достоевского в интерпретации Н. А. Бердяева // Соловьёвские исследования. Вып. 2(42). 2014. С. 128–137.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Все цитаты из текстов Достоевского в работе приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках номера тома и страницы цитирования.
5. Зябрева, Г. А. «Лизаветин текст» в творчестве Ф. М. Достоевского // Сверхтекст: генезис, структура, семантика : монография / Под науч. ред. С. О. Курьянова; колл. авторов. М. : Директ-Медиа, 2023. С. 69–86.
6. Мельникова, Н. Н. Миф о возрождении грешницы в русской литературе XIX — начала XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 109–111.
7. Мельникова, Н. Н. Феномен «падшей женщины» как проблема сравнительного литературоведения (к постановке вопроса) // Литературная учёба. М., 2010. № 6. С. 114–123.
8. Романов, Ю. А. Феномен «подполья» в поэтике Ф. М. Достоевского: архетипическое и типологическое: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Романов Юрий Александрович. Симферополь, 2003. 178 с.
9. Шалина (Кустовская), М. А. Повесть «Записки из подполья» в системе занятий по творчеству Ф. М. Достоевского // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс: материалы конференции / Сост. Е. А. Федорова, под редакцией И. А. Стернина, М. В. Шамановой. 2019. С. 190–197.
10. Щенникова, Л. П. Имена // Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник. Челябинск, 1997. С. 166–168.

~

УДК 82.0

Каменская Ирина Борисовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой филологических дисциплин
и методик их преподавания,
Евпаторийский институт социальных наук (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;
Российская Федерация, Евпатория, e-mail: poplar19611961@gmail.com

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ХРОНОТОПА РОМАНА
В. КАТАЕВА «АЛМАЗНЫЙ МОЙ ВЕНЕЦ»**

Статья посвящена определению концептуальных основ хронотопа романа В. Катаева «Алмазный мой венец». Установлено, что основной категорией, определяющей своеобразие хронотопа произведения, образа автора и системы персонажей, выступает категория памяти, противопоставленная в художественной картине мира романа категориям времени и смерти. Хронотоп романа организован как концептуальная интеграция конкретно-исторического и символического пластов пространственно-временного континуума, при этом интегрирующим фактором выступает образ Вечной весны.

Ключевые слова: В. Катаев, «Алмазный мой венец», хронотоп, концептуальные основы, категория памяти, интеграция конкретно-исторического и символического.

Irina B. Kamenskaya

PhD of Pedagogical sciences, assistant professor,
Head of the department of philological disciplines and their
teaching methodology,
Yevpatorian Institute of Social Sciences (branch),
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Russian Federation, Yevpatoria

**CONCEPTUAL BASIS OF THE CHRONOTOPE OF THE NOVEL
“MY DIAMOND CROWN” BY V. KATAEV**

Abstract. *The paper is devoted to defining the conceptual basis of the chronotope of V. Kataev's novel “My Diamond Crown”. It has been established that the main*

conceptual category that determines the uniqueness of the chronotope of the work, the image of the author and the system of characters is the category of memory, opposed in the artistic worldview of the novel to the categories of time and death. The chronotope of the novel is organized as a conceptual integration of the concrete historical and symbolic layers of the space-time continuum, with the image of Eternal Spring being the integrating factor.

Key words: V. Kataev, "My Diamond Crown", chronotope, conceptual basis, the category of memory, integration of the concrete historical and the symbolic.

Для цитирования:

Каменская, И. Б. Концептуальные основы хронотопа романа В. Катаева «Алмазный мой венец» // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 22–30.

Художественный мир литературного произведения представляет собой воплощение авторской художественной картины мира, это некое «...художественное целое, включающее пространственно-временной континуум с определёнными героями, образующими ценностное ядро мира и осваивающими данный тип хронотопа в соответствии с художественным заданием автора, воплощённое („завершённое“) в словесной ткани произведения» [9, с. 26]. Под хронотопом понимается комплексная характеристика, которая отражает особенности художественного метода моделирования реальности в рамках пространственно-временного континуума, служащего когнитивной средой дискурсивного разворачивания авторской идеи [8]. Автор по-своему профилирует, акцентирует и комбинирует пространственно-временные связи реальной действительности, создавая тем самым новое концептуальное пространство как форму воплощения его идеи [7, с. 146]. В субъективно-ценностном аспекте хронотопа художественного произведения реализуется его концептуальная основа, понимаемая как отношение художественного мира произведения к реальной действительности [10].

Роман В. П. Катаева «Алмазный мой венец», жанр которого определён как роман с ключом [2–4], своеобразный синтез философской автобиографии-эссе и литературного портрета, органично сочетает в себе лирический, эпический, мемуарный и автобиографический модусы повествования. Основной концептуальной категорией, определяющей своеобразие хронотопа произведения, образа автора и системы персонажей, выступает категория памяти, противопоставленная в художественной картине мира романа категориям времени и смерти [6].

Хронотоп романа В. П. Катаева «Алмазный мой венец» организован как концептуальная интеграция конкретно-исторического и символического пластов пространственно-временного континуума. Интегрирующим фактором при этом выступает концепт Вечная весна, одноименный первоначальному названию произведения: «Я же, вероятно, назову свою книгу, которую сейчас переписываю набело, „Вечная весна“» [5, с. 6].

Погоня за вечной весной как организационная основа сюжета позволяет говорить о реализуемом в романе хронотопе пути (путешествие к местам обитания вечной весны), который организует произведение не только в топографическом и хронологическом, но и в символическом аспекте — как некое метафизическое путешествие во времени: «оставив далеко и глубоко внизу февральскую вьюгу, <...> мы снова отправились в погоню за вечной весной [5, с. 3].

Художественная картина мира в романе В. П. Катаева «Алмазный мой венец» с реалистической достоверностью очевидца воссоздаёт объективную действительность жизни советского общества в постреволюционную эпоху [1]. Средствами реализации когнитивного механизма перспективизации при этом выступают бытовые детали, исторические реалии, прецедентные имена. Автор реализует объективный тип художественного времени, организованный по линейному принципу, и отражает значимые для него временные отрезки: 10-е, 20-е, 60-е и 70-е годы прошлого века. Воспоминания перемежаются фрагментами действия в актуальном времени, отражая авторское убеждение в том, что «Время не имеет <...> власти хотя бы потому, что его не существует» [5, с. 6].

Мозаика топосов 1910-х гг., отображаемых в художественной картине мира романа, гармонизируется мотивом приоритета поэзии над бытом, часто бедным, неустроенным. Так, эссеист (Семен Кессельман) — одесский поэт «старшего поколения», который «уже тогда был признанным поэтом <...>, выслушивал наши стихи и выбирал достойных» [5, с. 9], ютился вместе с матерью «в полуподвале, рядом с дворницкой и каморкой, где хранились иллюминационные фонарики и национальные бело-сине-красные флаги» [5, с. 8], скрывал свою бедность, но «был горд, ироничен, иногда высокомерен и всегда беспощаден в оценках, когда дело касалось стихов» [Там же]. Локус Привоза, куда старенькая еврейка, «привыкла, астматически дыша, тащиться с корзинкой <...> за скумбрией и за синенькими», соседствует с микролокусами театральных подмостков летних театров, где проходили вечера молодых поэтов и где царили на правах признанных мэтров эссеист и птицелов (Эдуард Багрицкий), для которых «выпускались альманахи

квадратного формата, на глянцевої бумаге, с шикарными названиями „Шёлковые фонари”, „Серебряные трубы”, „Авто в облаках» [5, с. 11].

Смена одесского топоса 1910-х гг. на московский топос следующего десятилетия происходит по линейному принципу вместе с переездом лирического героя в Москву. Образ Москвы первого послереволюционного десятилетия, как и образ предреволюционной Одессы, складывается на пересечении двух модальностей: детального лирического, ностальгического описания внешнего облика и быта города и характерологической летописи литературной Москвы того времени.

Так, первое описание Москвы даётся в контексте знакомства королевича (С. Есенина) и птицелова и вводится тремя короткими назывными предложениями: «Москва. Двадцатые годы. Тверская» [Там же]. Описание места знакомства двух знаменитых поэтов — «Разговорившись, мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время ещё стоял на своём законном месте, в голове Тверского бульвара, лицом к необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его маленьким золотым луковкам» [Там же] — одновременно реалистически детально и символично. Памятник Пушкину на Тверском бульваре вновь актуализирует когнитивную категорию памяти и реализует идею культурной связи времён, подчёркивая вневременную значимость высокой поэзии как культурной памяти человечества.

Следующая эмоциональная авторская ремарка, выделенная в отдельную прозаическую строфу, придаёт ностальгическое звучание воспоминаниям автора: «До сих пор болезненно ощущаю отсутствие Пушкина на Тверском бульваре, невосполнимую пустоту того места, где он стоял» [Там же]. В этой болезненности ощущения безвозвратных перемен сквозит нечто неизмеримо большее, чем тоска пожилого человека по ушедшей юности. В произведении, утверждающем победу памяти над конечностью земного существования, сохранение памяти о лучшем, что было в жизни писателя как частички великой культуры, — «алмазного венца» — выступает единственным способом заполнения пустоты, которую оставляет в душе неумолимое время: «В незаполнимой пустоте начала Тверского бульвара они видят подлинного Пушкина, окружённого фонарями и бронзовой цепью, на которой, сидя рядом и покачиваясь, разговаривали в начале двадцатых годов два поэта и третий — я, их современник [Там же].

Образ Москвы в романе удивительно динамичен. В. П. Катаев, описывая своё первое впечатление от города в момент его приезда туда после гражданской войны, цитирует «Евгения Онегина», оговариваясь, что

«Впрочем, Москва уже была не вполне онегинская» [5, с. 17] и отмечает, цитируя В. Маяковского, что «Москва Пушкинская превращалась в Москву Командора» [Там же]. Москва Командора (под именем которого выведен в романе В. Маяковский) — это центр мировой революции, в описании которой автор демонстрирует удивительное мастерство художественной детали: «Два многоэтажных обгоревших дома с зияющими окнами на углу Тверского бульвара и Большой Никитской, сохранившаяся аптека, куда носили раненых, несколько погнутых трамвайных столбов, пробитых пулями, поцарапанные осколками снарядов стены бывшего Александровского военного училища — здание Реввоенсовета республики, — две шестидюймовки во дворе Музея Революции, бывшего Английского клуба, ещё так недавно обстреливавшие с Воробьёвых гор Кремль, где засели юнкера. Множество стареньких, давно не ремонтируемых церквушек неописуемо прекрасной древнерусской архитектуры, иные со снятыми крестами, как бы обезглавленные» [5, с. 18]. Подробно, хоть и лаконично, описывается восстановление и преобразование столицы, строительство мостов через Москву-реку и метрополитена, исчезновение храма Христа Спасителя и «более тягостная эпоха перестановки и уничтожения памятников» [5, с. 19].

Отметим, что в сцене приезда повествователя в зимнюю Москву, его первой поездки с Курского вокзала на извозчике вновь появляется мотив Вечной весны: «Несмотря на мартовский снег, кружившийся среди незнакомых мне столичных домов, я уже слышал в воздухе что-то, обещающее весну» [Там же].

Московские микролокусы многочисленны и разнообразны, но принцип их мозаичной сборки прост: все они имеют непосредственное отношение к литературе и искусству, это места обитания, работы и встреч тех, кого автор включает в алмазный венец отечественной культуры. Московские микролокусы расходятся, словно лучи, от центра, в котором обитал повествователь, — от Мыльниковой переулочка, названного впоследствии слушателями лекций В. Катаева о литературе легендарным, поскольку через его жилище следом за ним «прошли почти все мои друзья <...>: ключик, брат и друг, птицелов, наследник¹ и прочие» [5, с. 23]. Читатель видит Водопьянный переулок, «где проходила большая часть жизни Командора» [5, с. 19], штаб лефов и квартиру В. Маяковского в Лубянском проезде, «где он поставил и точку в своём конце» [5, с. 20], слышит его чтение «в такт своим чугунным шагам» [5, с. 87] только что написанного «Марша времени»,

¹ Под прозвищами «ключик», «брат», «друг», «птицелов», и «наследник» в романе выведены Ю. Олеша, Е. Петров, М. Файнзильберг, Э. Багрицкий и Л. Славин соответственно.

проходит вместе с ним по шумным улицам революционной Москвы, где встречает Крупскую, Луначарского и Горького, и радуется вместе с автором тому, что «этот кусок города сохранился до сих пор почти в полной неприкосновенности, подобно тому как среди обломков моей разрушающейся и перестраивающейся памяти сохранилось видение Командора, выбрасывающего вперед шагающие ноги с задранными тупыми носами башмаков» [Там же].

В романе «Алмазный мой венец» художественное сознание автора пытается познать самое себя, а хронотоп произведения можно рассматривать как фиксацию механизмов работы художественного сознания, свободно обращающегося с категориями пространства и времени, перекраивающего и комбинирующего их фрагменты по собственным законам: «Говорю одно, вижу другое, представляю третье, чувствую четвёртое, не могу вспомнить пятое, и все это совмещается с тем материальным миром, в сфере которого я нахожусь в данный миг: маленький золотой карандаш в руке, голубые прописи между линейками большой тетради, переделкинская зелень за окном, сильно тронутая сентябрьской желтизной» [5, с. 84].

Именно в контексте работы художественного сознания в романе реализуется мотив сновидения как изменённого восприятия, прозрения: «мы видели неземные сны <...> Забытые сновидения, как призраки, являлись в наших стихах, и трудно было понять, из каких глубин сознания они взялись» [5, с. 10]; «нам снились несказанные блоковские сны» [Там же].

Предчувствие близкой неминуемой смерти так же облекается в форму сна: «вижу дурные, мучительные сны» [5, с. 43]. Воспоминания о смерти Блока сопровождаются цитированием строк поэта, среди которых «Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, Анна видит неземные сны...» [5, с. 47]. Наконец, «неземные сны» плотно вписаны в контекст найденной в конечном итоге Вечной весны — парка Монсо, ставшего городом «вечной весны, славы и тишины» [5, с. 121].

Помимо многочисленных московских микролокусов, в текстовую ткань романа органично вплетены и другие топосы. Если Одесса 1910-х гг. и Москва 1920–1930-х гг. сменяют друг друга в хронологическом порядке, то появление воспоминаний о Харькове, более поздней Одессе, Париже, Равенне, Батуме, северной Италии, Англии, Ленинграде, Москве 1970-х гг. подчинено утверждаемому автором ассоциативному методу, который состоит в замене «связи хронологической связью ассоциативной» [5, с. 116]. Так, Харьков вспоминается по ассоциации с неустроенной московской жизнью литератора, походами по редакциям в поисках случайного заработка: «существование случайное, ненадёжное, но по сравнению с тем знойным, ужасным летом

поволжского голода 1921 года, которое мы пережили в Харькове вместе с ключиком, теперешняя моя жизнь казалась раем» [5, с. 46]. Лаконичное, полное выразительных художественных деталей описание страшного времени («ужасный, почти библейский поволжский голод» [5, с. 47]) — «штаны из мешковины и бязевые нижние рубахи больничного типа, почему-то с чёрным клеймом автобазы» [Там же]; «получали на весь день полфунта сырого чёрного хлеба, а кроме того, утром кружку кипятка с морковной заваркой и пять совсем маленьких леденцов, в обед какую-то затируху и горку ячной каши с четвертушкой крутого яйца, заправленной зелёным машинным маслом, а вечером опять ту же ячную кашу, но только сухую и холодную» [Там же] — завершается пространным, эмоциональным, вперемежку с цитатами из любимого поэта, описанием состояния «покорного отчаяния» [Там же] двух друзей после известия о кончине Блока.

На воспоминания накладываются, словно блики из настоящего времени, привязывающие авторскую ретроспективу ко времени написания романа, краткие сцены, похожие на стоп-кадры «старика, путешествующего по Европе и выступающего в славянских отделениях разных уважаемых университетов» [5, с. 50] с лекциями о русской литературе. Оттуда автор в амплуа повествователя уносится памятью в раннюю юность Ю. Олеши, и яркие воспоминания о родителях и сестре друга в анахронических для времени написания романа деталях («носила чёрное и ходила в костёл в перчатках и с кожаным молитвенником, а дома читала польские романы, в которых, я заметил, латинская буква Л была перечёркнута косой чёрточкой» [Там же]) заставляют его забыть, что он находится «в узкой переполненной аудитории славянского отделения Сорбонны в Гран-Пале» [5, с. 51].

Подобная эмоциональная эстетизация и символизация собственной памяти, интеграция объективного линейного и субъективного циклического времени (соприсутствие в небольшом фрагменте текста двух временных точек отсчёта, прошлого и современности) и полифункциональность авторского дискурса, в котором сочетаются образ действующего лица, рассказчика и автора, ведущего прямой диалог с читателем, делают хронотоп романа удивительно цельным при всей его мозаичности, нивелируя категорию времени на подсознательном, эмоциональном уровне.

В. П. Катаев за счёт эффективной реализации семантической организации хронотопа демонстрирует, что и пространство, и время переосмысливаются художественным сознанием как собственный эмпирический опыт, собственные эмоциональные состояния. Мозаичный хронотоп романа, в котором настоящее, прошлое и будущее спаяны творческим воображением и памятью в единое целое, позволяет ощутить, с

одной стороны, целостность, неделимость всемогущего времени, с другой — почувствовать свободу творческого духа от его власти.

Вышеизложенное позволяет заключить, что основной концептуальной категорией, определяющей своеобразие хронотопа произведения, образа автора и системы персонажей, выступает категория памяти, противопоставленная в художественной картине мира романа категориям времени и смерти. Хронотоп романа организован как концептуальная интеграция конкретно-исторического и символического пластов пространственно-временного континуума. Интегрирующим фактором при этом выступает образ Вечной весны, одноимённый первоначальному названию произведения. Погоня за вечной весной позволяет говорить о реализуемом в романе хронотопе пути, который организует произведение не только в топографическом и хронологическом, но и в символическом аспекте как метафизическое путешествие во времени.

В анализируемом романе художественное сознание автора пытается познать самое себя, а хронотоп произведения можно рассматривать как фиксацию механизмов работы художественного сознания, свободно обращающегося с категориями пространства и времени, перекраивающего и комбинирующего их фрагменты по собственным законам. Средствами реализации когнитивных механизмов фокусирования и перспективизации при этом выступают бытовые детали, исторические реалии, прецедентные имена.

Литература

1. Волович, И. Г. Проза Валентина Катаева 60–80-х годов: формы утверждения художественной свободы // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2014. № 17. С. 22–32.
2. Даутова, Е. А. Авторский дискурс в жанре «роман с ключом» (на примере романа В. П. Катаева «Алмазный мой венец» // Гуманитарные исследования молодых учёных Южного Урала: сб. статей конференции, 18 апреля 2019 г., г. Челябинск. Челябинск: ЧГУ, 2019. С. 202–209.
3. Даутова, Е. А. О жанровой специфике «Алмазного моего венца» В. П. Катаева // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. статей междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой, 15-16 февраля 2019 г., г. Омск / Отв. ред. О. В. Золтнер. Омск: ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 231–234.
4. Ибрагимова, Ф. И., Каменская, И. Б. Жанровая принадлежность романа В. П. Катаева «Алмазный мой венец» // Реализация

компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: сборник материалов IX Всероссийской с междунар. участием науч.-практ. конф., 14–15 апреля 2022 г., г. Евпатория. Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. С. 266–272.

5. Катаев, В. П. Алмазный мой венец. М. : Сов. писатель, 1979. 122 с.

6. Кораблина, Ю. Н. Художественная картина мира в мемуарных произведениях В. П. Катаева: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература». Сургут, 2006. 177 с.

7. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 256 с.

8. Темирболат, А. Б. Проблема хронотопа в современной прозе : учеб. пособие. Алматы, 2003. 199 с.

9. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студентов высшего проф. образования. 6-е изд., испр. М. : Академия, 2013. 432 с.

10. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособ. 4-е изд., стереотип. М. : Флинта, 2016. 203 с.

~

Культурно-историческое наследие

УДК 9.522.1; 929.55 [821.161.1]

Кожин Владислав Владимирович

Главный хранитель,
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»,
Дом-музей А. П. Чехова в Ялте;
Российская Федерация, Ялта, e-mail: kozjin@bk.ru

ГУРЗУФСКИЙ МИР МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: МЕМОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА)¹

В данной статье на основании вновь выявленных и атрибутированных ранее неопубликованных свидетельств и фотографий представляется возможным доподлинно определить место, где проживала Марина Цветаева в Гурзуфе. Это в дальнейшем позволит с высокой степенью достоверности реконструировать музейное мемориальное пространство, отражающее в полной мере единую картину жизни и творчества поэта в данном уголке Южного берега Крыма.

Сохранение памяти о пребывании на гурзуфской земле Марины Цветаевой, равно как и сохранение самого здания, где она жила, — важнейший элемент в развитии Гурзуфа как курорта и как места историко-литературной памяти. Данная статья призвана закрепить в научной среде систему выявленного по теме научного и мемориального материала, необходимого в комплексе работ по реставрации и музеефикации Дома филолога Б. В. Томашевского, проводимых ГБУК РК

¹ Продолжение (статья третья).

Начало: Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: документально-географический аспект // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 35–53;

Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: аспект литературного наследия // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 56–67.

«Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

Ключевые слова: Русская литература, Серебряный век, М. И. Цветаева, Цветаева Марина, 1911 год, Крым, Гурзуф, Историческая реконструкция, История быта, Краеведение, Курорт, Курортный Крым, Мемориальность, Музееведение, Музейное дело, Туризм, Экспозиция.

Wladyslaw W. Kozhin

State Budgetary,
Institution of Culture of the Republic of Crimea
«Crimean Literary and Artistic Memorial Museum»,
A. P. Chekhov house-museum in Yalta;
Russian Federation, Yalta

THE GURZUF WORLD OF MARINA TSVETAeva: MEMORIAL ASPECT (ON THE ISSUE OF FORMING A MUSEUM SPACE)

Abstract. *In this article, on the basis of newly identified and attributed previously unpublished evidence and photographs, it seems possible to reliably study and determine the place where Marina Tsvetaeva lived, which will subsequently make it possible with a high degree of reliability to reconstruct the museum memorial space, fully reflecting a unified picture of the life and work of the poet in Gurzuf.*

Preservation of the memory of Marina Tsvetaeva's stay on the Gurzuf land, as well as the preservation of the very building where she lived, is the most important element in the development of Gurzuf as a resort and as a historical place of memory. This article is intended to consolidate in the scientific community the system of scientific and memorial material identified on the topic, which is necessary in the complex of study for the scientific restoration of the House of the Philologist Boris Tomashevsky.

Key words: *Russian literature, Silver Age of Russian poetry, M. I. Tsvetaeva; Tsvetaeva Marina, 1911, Crimea, Gurzuf, historical reconstruction, life history, local history, Memorial, museum business, museum science, Reconstruction, resort Crimea, Resort, Tourism, Exposition.*

Для цитирования:

Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: мемориальный аспект (к вопросу формирования музейного пространства) // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 31–43.

— Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
— Ртом не достать! — Через
летейски воды
Протягиваю две руки.
Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад, —
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Марина Цветаева
«Тебе — через сто лет...»
(фрагмент), 1919 г.

Много говоря о Доме пушкиниста Б. В. Томашевского (ранее принадлежавшего владельце курорта Суук-Су О. М. Соловьёвой), где в 1911 году, как мы сумели обосновать [9], снимала комнату Марина Цветаева и где ею написаны два ключевых стихотворения, вошедших в сборник «Волшебный фонарь» [8], мы, наконец, можем конкретизировать сведения об интерьере и внутренней обстановке комнат, планировка которых сохранились в доме практически без изменений (в советское время в результате приспособления дома появился только более длинный коридор и кухня, которая до революции служила жилой комнатой).

Пароход Говалло у пристани рядом с домиком О. М. Соловьёвой. 1910-е годы [3]

В фондовом собрании ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» сохранились две уникальные фотографии неизвестного автора, запечатлевшие интерьеры дома и дающие представление об обстановке комнаты М. И. Цветаевой [5]. На их обороте находятся карандашные пометы, сделанные рукой Георгия Соловьёва (1921 – ?), внука владелицы дачи в 1910-е годы. Надпись такова: «Комната, где жила Марина Цветаева в 1911 году у О. М. Соловьевой. Потом этот домик называли учительским². За дверью большой граммофон и книжный шкаф. На стене Ростан и Наполеон» [5].

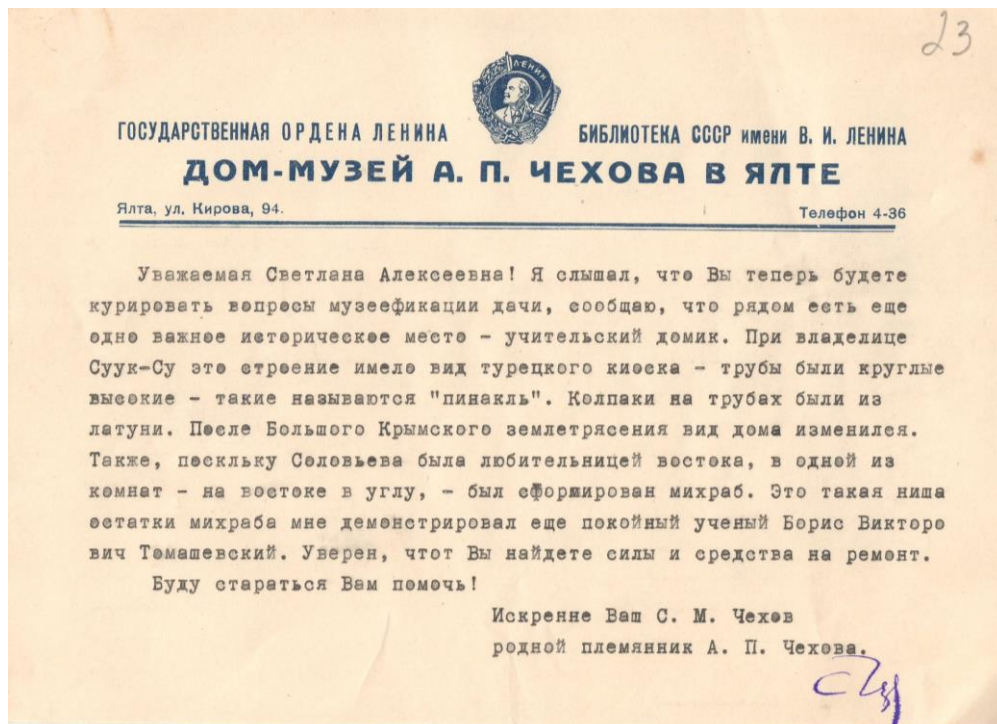
На одной из фотографий запечатлён проход в комнату с диваном и креслами, слева — заставленное стульями и подставками для растений окно, на месте которого позднее будет сделан выход на турецкую веранду, которой на момент создания фотографии ещё нет.

Комната, где жила Марина Цветаева в 1911 году у О. М. Соловьевой [5]

² В 1951 года поселковый совет расторг арендный договор с Томашевскими в пользу более именитого П. Павленко, умирающего от туберкулёза. После 1952 года строение стало использоваться, как дом для учителей гурзуфской школы, что закрепило за домиком название «учительский». В каждой из 4-х комнат жил один из учителей или семья учителя. В 1995 на доме была установлена мемориальная доска, посвящённая Б. В. Томашевскому.

На второй фотографии видна та часть занимаемой Цветаевой комнаты, в которой располагался письменный стол. А в перспективе — комната с пианино — та самая «восточная» комната, упоминаемая С. М. Чеховым в одной из записок.

Записка С. М. Чехова на бланке Дома-музея об убранстве дома О. М. Соловьёвой [2]

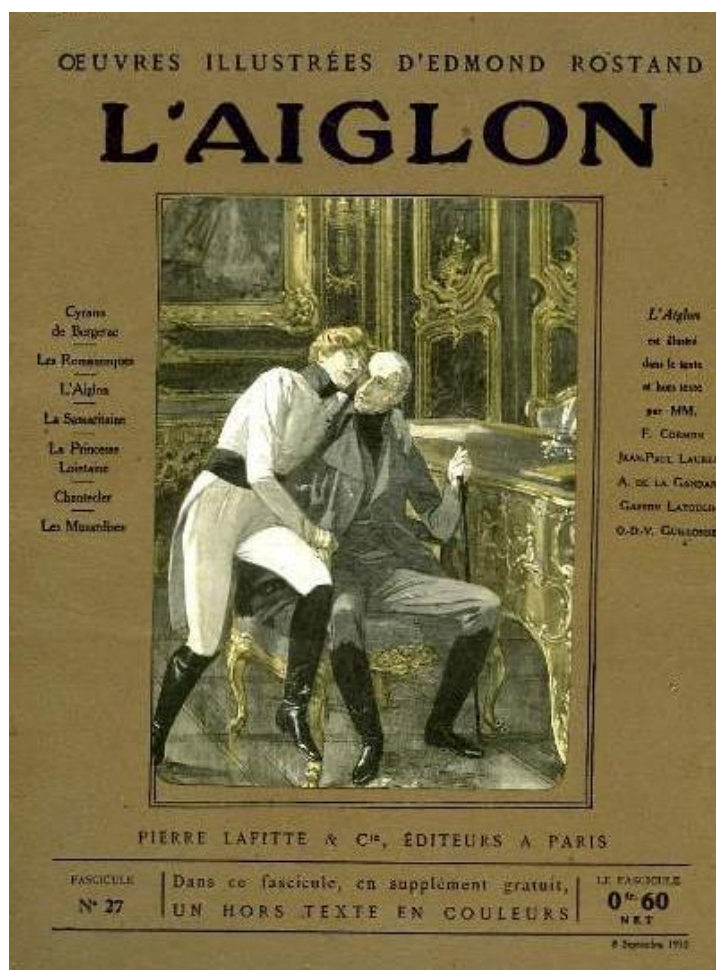

Фрагмент комнаты Марины Цветаевой с изображением письменного стола [5].
На сегодня помещение перепланировано

Свидетельства Георгия Соловьёва о портретах Ростана и Наполеона (увы, не указано I-го, либо II-го³, того самого l'Aiglon'a) позволяют понять, что волновало и что вдохновляло Цветаеву во время её жизни в Гурзуфе. Надо полагать, что Цветаева привезла портреты с собой, что ещё раз подтверждает её сентиментальную натуру, а также даёт нам основание предположить, что Цветаева могла взять в поездку томик с пьесой Э. Ростана «L'Aiglon».

Эдмон Ростан (1868–1918),
французский поэт,
драматург-неоромантик [4]

Обложка одного из изданий
пьесы Ростана «L'Aiglon» с изображением
сцены из спектакля с Сарой Бернар
в роли Наполеона II, 1910 г. [7]

Примечательно также упоминание Георгием Соловьёвым книжного шкафа и большого граммофона (как мы знаем, появившегося у Марины

³ Среди всех портретов герцога Рейхштадского в 1910-м году в письме, не отправленном сестре Анастасии, Марина Цветаева отдельно упоминает, безусловно, свою самую любимую гравюру, на которой написано «Les destins et les flots sont changeants» (Беранже) (устойчивое французское выражение «Судьбы и волны так переменчивы»).

Ивановны после 18 апреля — за граммофон на курорте обычно полагалась доплата). Жаль, что этот аппарат не попал на фотографию — был ли он с трубой «гигантской повилики»?

Однако, учитывая запечатлённое пространство, расположение окна в комнате с невысоким потолком, а также руководствуясь пониманием того, что в это открытое окно можно было любоваться Гурзуфом и слышать музыку, играющую в парке, можно сделать вывод о том, что Марина Ивановна Цветаева жила в угловой комнате с двумя окнами, расположенной на западе дома. Планировка этой комнаты совершенно не изменилась, и всё также за дверью легко может расположиться и книжный шкаф, и граммофон, а напротив — письменный столик, точно такой же, как на фотографии, атрибутированной Г. Соловьёвым.

Достойным упоминания нам кажется и тот факт, что точно напротив окон комнаты и теперь растёт упомянутое М. И. Цветаевой в её переписке с Волошиным абрикосовое дерево [9, с. 39], словно живое напоминание о том апреле 1911 года.

Прежде чем перейти к заключительному подразделу нашего исследования, осталось ответить на один крайне важный для процесса воссоздания мемориального пространства вопрос — как выглядела М. И. Цветаева, когда она жила в Гурзуфе? Как гардероб взяла с собой на юг?

Сведения о внешности поэта вскользь содержатся в её письмах и дневниковых записях (см. запись о знакомстве с мальчиком Османом [8, с. 62]). Но наиболее зримо черты поэта представлены на фотографиях, сделанных Максимилианом Волошиным в мае–июне 1911 года в Коктебеле, куда Цветаева прибыла сразу после отдыха в Гурзуфе. Это хорошо известные и многократно опубликованные, растиражированные снимки, где Цветаева запечатлена в кругу семьи Волошина и вместе с Сергеем Эфроном. Теперь эти снимки представляют для нас новый интерес и позволяют заключить, что, наиболее вероятно, только три предмета гардероба были выбраны поэтом для поездки на юг (не считая аксессуаров: цепочки с подвеской, ремней, колец, самого необходимого). Итак:

1) Летний костюм из светлой блузы в плессировку и юбки ей в тон (вспомним: «*ни батистовых оборчатых платьев, ни белизны — полотно и загар!*» [8, с. 63]), из плотной бязи или отбелённого льна (буквально — полотно, холст), весьма мнущееся в подоле.

*Марина Цветаева в Коктебеле май-июнь 1911 года. Фото М. А. Волошина [12].
Фотоснимок справа раскрашен при помощи искусственного интеллекта по технологии
DeOldify, позволяющий получить достоверные на 75–80% данные о цвете предметов.
Публичное достояние*

*Е. О. Волошина, М. И. Цветаева (в пенсне), А. И. Цветаева, В. Я. Эфрон,
С. Я. Эфрон, Е. Я. Эфрон (стоит), справа Б. Е. Фейнберг. Коктебель, 1911 г. [13]*

2) Тёмно-серая юбка из плотного тяжёлого полотна (неотбелённый, или тонированный лён). В этой юбке, затянутой поясом, поэт запечатлена вместе с Сергеем Эфроном на балконе кокетельского дома Волошиных. Эту же юбку она упоминает в письме к М. А. Волошину от 11 августа 1911 года, посланному из Уфимской губернии, куда Марина Цветаева уехала с Эфроном на лечение кумысом⁴. Письмо великолепное – в нём снова упоминаются гурзуфские «Flegeljahre» Жана Поля! [8] – но и заставляют улыбнуться следующие строки: «Довольно глупостей, буду писать серьезно. Сперва о костюмах: у меня с собой только серая юбка, разодранная уже до Коктебеля⁵ в 4-х местах. Я ее каждый день зашиваю, но сегодня на меня упал рукомойник и разорвал весь низ. Мы и его и её заклеили сургучом» [27, т. 7 П. № 18].

С. Я. Эфрон и М. И. Цветаева (в пенсне)
в компании А. И. Цветаевой и
М. А. Волошина. Коктебель, 1911 год.
[13] Публичное достояние

3) Пенсне белого металла. Марина Цветаева с детства была крайне близорука — очки или пенсне стали неразлучными спутниками её первой юности. Анастасия Цветаева вспоминала, что сначала сестра сменила очки на пенсне — именно в нем она запечатлена на известной фотографии со своим мужем Сергеем Эфроном, — но впоследствии отказалась и от пенсне. По словам самого поэта, она предпочитала «смотреть на мир размыто» [14]. Таким образом, этот выразительный атрибут поэта и её отношение к нему (Цветаева избавилась от пенсне в 1913 году, кардинально изменив имидж) точно характеризует самобытный период жизни Марины Ивановны связанный с Гурзуфом и первым кокетельским летом, последовавшим за ним.

⁴ С. Я. Эфрон страдал в то время туберкулёзом. Полагалась терапия кумысом и жирными сливками.

⁵ Значит, в Гурзуфе. Вероятнее всего тёмную плотную юбку Цветаева использовала для покорения развалин крепости и скал, которые так любила посещать в Гурзуфе [8, с.62-63], что и сказалось на сохранности этого предмета гардероба.

М. И. Цветаева и С. Я. Эфрон. Балкон дома М. А. Волошина. Справа – увеличенный фрагмент, где М. И. Цветаева в пенсне. Публичное достояние

К опыту музеефикации пространства

Подводя итог нашего исследования, следует наметить предпосылки к созданию полноценной концепции мемориальной комнаты Марины Цветаевой в Гурзуфе, потребность в которой давно назревала и для которой в нами уже выявлен и проработан целый пласт историко-культурной, бытовой, литературоведческой научной информации. Теперь мы знаем, как Марина Цветаева жила в Гурзуфе, чем увлекалась, что читала и писала, о чём думала и размышляла [8], как проходили её дни, и какие воспоминания у неё оставила гурзуфская земля [9]. Мы знаем даже, как она была одета и где сошла с парохода на берег (как символично — у Пушкинской скалы!).

Но конечно, это далеко не исчерпывающая информация. Ещё не проанализированы письма Волошина к Цветаевой в Гурзуф, не исследована переписка гурзуфского периода Цветаевой и Аделаиды Герцык, не выявлены письма к сестре Анастасии, не исследованы в полной мере черновые тетради и записные книжки поэта начала 1910-х годов и позднее, где могут содержаться другие детали, относящиеся к Гурзуфу. Предстоит долгая архивная разыскная

работа, однако лишь сейчас детально описана и «расцвечена» новыми красками канва гурзуфского апреля Марины Цветаевой.

Ныне Дом Б. В. Томашевского — часть Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника на правах структурного подразделения. Он зарегистрирован в данном статусе на портале Государственного Каталога Музейного фонда Российской Федерации и ожидает полномасштабной реставрации и музеефикации.

Этот объект — редчайший, сохранившийся в полной мере пример рядовой застройки береговой линии Южного берега Крыма конца XIX века с приусадебной территорией. Не являясь выдающимся памятником архитектуры, он остаётся существенным звеном в формировании культурного ландшафта Южного берега, довершая историческую панораму морского побережья Гурзуфа [10; 11].

В рамках музеефикации пространства обязательно будет сформирована мемориальная музейная экспозиция в западной угловой комнате, посвящённая пребыванию в этом месте великого русского поэта — М. И. Цветаевой.

Данное исследование на основании фотографических данных, мемуарных свидетельств самого поэта и её окружения (писем к М. А. Волошину, косвенных свидетельств А. К. Герцык, мемуарных источников семьи и их окружения), а также сведений, полученных из фондовых материалов, позволяет с высокой степенью достоверности воссоздать интерьер, в котором жила и работала Марина Цветаева.

Проделанная работа позволяет точно охарактеризовать предметный ряд будущей экспозиции, который нам видится следующим:

- гарнитур типологической венской мебели «Тонет» (с диваном) 1910-х годов под чехлами;
- картины (пейзаж);
- кружевные накидки на мебель, в технике «ришелье»;
- лёгкие занавески, шторы;
- кровать железная;
- граммофон с большой трубой;
- книжный шкаф;
- гардероб (или шифоньер, из числа сохранившихся в доме);
- комод и зеркало (сохранились);
- пенсне на шнурке;
- письменный стол, типологически схожий с тем, что запечатлён на фотографиях [5];
- копии рукописей Марины Цветаевой, писем апреля-мая 1911 года;

- муляж паспорта М. И. Цветаевой с отметкой о регистрации проживания в доме О.М. Соловьёвой (РГАЛИ) [6];

- рамки с фотографиями писателей и близких М. И. Цветаевой личностей (Э. Ростана, Наполеона, Сары Бернар, Марии Башкирцевой);

- один чемодан дорожный 1900-х годов, женский;

- музейная реконструкция костюма М. И. Цветаевой (выполненная по фотографиям).

- атрибуты писательской деятельности;

- книги, из числа упомянутых М. И. Цветаевой и поддающихся атрибуции. А именно:

- 1) Сборник «Вечерний альбом»;
- 2) «Flegeljahre» Жана Поля;
- 3) «Консуэлло» Ж. Санд в 6-ти томах (франц. яз.);
- 4) «Joseph Balsamo» А. Дюма-отца в 5-ти томах (франц. яз.);
- 5) «L'Aiglon» Э. Ростана, издание 1910 года;
- 6) Дневник Марии Башкирцевой в издании 1900-х годов;
- 7) «Madame de Tencin». Биография в издании 1910 года;
- 8) «Günderode» Беттины фон Арним в издании 1904 года.

Сохранение памяти о пребывании на гурзуфской земле Марины Цветаевой, равно как и сохранение самого здания, где она жила, и благоустройство окружающей территории — важнейший элемент в развитии Гурзуфа как курорта и как исторического места. В настоящий момент перед музеем-заповедником стоит цель по сбору историко-культурного и мемориального материала, необходимого для проведения научной реставрации Дома филолога Б. В. Томашевского в целях музеефикации пространства — и этому призвана способствовать проведённая нами исследовательская работа.

Верится, что скоро станет возможным физически расширить цветаевскую музейную географию, и наряду с Москвой, Феодосией, Ивановом, Александровым, Большевым, Тарусой и Елабугой на карте появится новая точка притяжения — Гурзуф (подальше от Елабуги и поближе к Коктебелю).

Источники из фондового собрания ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»:

1. Записка С. М. Чехова об учительском домике и абрикосовом дереве. Арх. 31/1-73 л. 26 (КП 9196).
2. Записка С. М. Чехова об убранстве дома О. М. Соловьёвой. Арх. 31/1-73, л. 23 (КП 9196).

3. Открытка почтовая «Гурзуф. Генуэзская крепость» по старой орфографии (1910-е годы). КП 5194/3.

4. Открытка почтовая. Edmond Rostand (1910-е годы). НВ 3721.

5. Фотографии мемориальные, запечатлевшие интерьеры дома Б. В. Томашевского, комната в которой в 1911 году жила М. И. Цветаева (атриб. Г. Соловьёва). НВ 3969-3970 (из архива А. В. Ханило).

**Источники из фондового собрания Российского
государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)**

6. Паспортная книжка М. И. Цветаевой, выданная ей 1 апреля 1911 года приставом 2-го участка Арбатской части Москвы // РГАЛИ. Ф. 1190, Оп. 2, Ед. хр. 45.

Литература

7. Книга Oeuvres illustrees d'edmond rostand – fascicule n° 27 – l'Aiglon // Le Livre URL: <https://www.le-livre.fr/livres/fiche-ro30078745.html> (дата обращения: 10.03.2023).

8. Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: аспект литературного наследия // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 56–67.

9. Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: документально-географический аспект // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 35–53.

10. Кожин, В. В. Историческая справка о доме филолога Б. В. Томашевского (быв. дача О. М. Соловьёвой, быв. «Учительский домик») / На правах рукописи. Утв. на заседании НМС ГБУК РК «КЛХММЗ» в 2020 г. Ялта, 2020.

11. Макарухина, Н. М. Дом филолога Б. В. Томашевского, Дача Томашевского, Учительский домик. 29.07.2019 // Южный берег Крыма / ЮБКтерра URL: <https://ubkterra.org/heritage/1315859> (дата обращения: 10.03.2023).

12. Марина Цветаева в кресле, с книгой: фотография М. Волошина. Коктебель. 1911 г. URL: <https://clck.ru/33jeX9> (дата обращения: 10.03.2023).

13. Фотографии М. Цветаева, С. Эфрон, М. Волошин и др., сделанные на даче Макса Волошина в Крыму. Коктебель, 1911 // Литфонд. Аукционный дом URL: <https://www.litfund.ru/auction/410/126/> (дата обращения: 10.03.2023).

14. Цветаева, А. И. Воспоминания: в 2 т. Т. 2: 1911–1922 годы / Изд. подгот. Ст. А. Айдиняном. М. : Бослен, 2008. 800 с.

15. Цветаева, М. И. Полное собрание сочинений: в 7 т. М. : Терра, Книжная лавка – РТР, 1997 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://traumlibrary.ru/page/cvetaeva.html> (дата обращения: 10.03.2023).

Пространство текста

УДК 81.11

Картавая Юлия Константиновна

Кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая базовой кафедрой психолого-педагогического
сопровождения одарённых детей и педагогических инноваций,
Евпаторийский институт социальных наук (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;
Российская Федерация, Евпатория, e-mail: julia.kartavaya@yandex.ru

МЕТАЯЗЫК ВАРИАНТНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье рассмотрены основные подходы к трактовке понятий «синонимия», «дублетность», «вариантность» в лингвистической терминологической системе. На основании анализа ключевых понятий сделан вывод, что различные представления о явлении близкого и/или тождественного по значению понятия обусловлены, с одной стороны, разными научными подходами к их сущности, а с другой, неустойчивостью номинации предмета исследования. Функционирование синтаксических синонимов решает проблему статуса вариантности среди подобных парадигматических отношений и, соответственно, вопрос выработки критериев для выделения синонимов, дублетов и вариантов среди других подобных единиц.

Ключевые слова: терминологическая система, парадигматические отношения, номинация, синтаксические синонимы, дублеты, варианты.

Yulia K. Kartavaya

PhD of pedagogical sciences, associate professor,
head of the basic department of psychological and pedagogical
support for gifted children and pedagogical innovations?
Evpatoria Institute of Social Sciences (branch)
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Yevpatoria

Abstract. *The article discusses the main approaches to the interpretation of the concepts of “synonymy”, “doubling”, “variation” in the linguistic terminological system. Based on the analysis of key concepts, it was concluded that different ideas about the phenomenon of a concept that is close or/and identical in meaning, on the one hand, are due to different scientific approaches to their essence, and, on the other, due to the instability of the nomination of the subject of research. The functioning of syntactic synonyms solves the problem of the status of variation among similar paradigmatic relations, and, accordingly, the issue of developing criteria for identifying synonyms, doublets and variants among other similar units.*

Key words: *terminological system, nomination, syntactic synonyms, paradigmatic relations, doublets, variations.*

Для цитирования:

Картавая, Ю. К. Метаязык вариантности синтаксических терминов // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 44—54.

В системе традиционной дескриптивной терминологии вариантность достаточно часто отождествлена с абсолютной синонимией, или дублетностью, которую стремились избегать в связи с требованиями создания «стройной» упорядоченной терминологической системы. В современном же научном поиске наблюдается тенденция к положительной оценке наличия в научной парадигме значительного количества терминов для номинации одного понятия, являющегося фиксацией общественного опыта, результатом познавательной деятельности людей. Поскольку термины — носители и хранители специальной информации, ценность которой обнаруживается в понятийной системе, встает проблема классификации объектов действительности, которая основывается на глубоком теоретическом осмыслении явления вариантности.

Рассмотрим в первую очередь соотношение понятий «синонимия» — «дублетность» — «вариантность», ведь в научной литературе до сих пор продолжаются дискуссии о статусе терминологических единиц, обозначающих одно и того же понятие, и их номинации (синонимы, дублеты, варианты). В пределах терминологических систем выделяют и синонимы, и варианты, изучающиеся и в теории вариантности, и в синонимологии, также синонимы и варианты рассматривают и как отдельные самостоятельные явления. Относительно места дублетности в терминологических системах возникают споры, ведь их выделяют среди синонимов и вариантов,

отождествляющих с абсолютной синонимией или исследующих как точку пересечения синонимии и вариантности.

Обобщим основные подходы к трактовке анализируемых явлений:

1) Синоним и вариант — понятия, которые не стоит отождествлять (варианты, в узком значении, замечает С. И. Щербина, это — «лексические единицы, которые имеют незначительные расхождения в оформлении (плане выражения) с сохранением семантической, коннотативной и функциональной тождественности» [30, с. 107], а синонимы — это разнокорневые единицы, называющие то же понятие.

2) Вариант и синоним стоит изучать как синонимы, ведь «лексемы, которые различаются даже одной буквой, являются разными самостоятельными терминами, и поскольку они служат для называния одного понятия, то вполне отвечают признакам абсолютных синонимов» [9, с. 109].

3) В терминологических системах выявляют лишь явление синонимии [21].

4) Терминологическая синонимия (абсолютная синонимия) и терминологическая дублетность тождественны, то есть дублеты признаны типом синонимов (О. С. Ахманова [2], С. Г. Бережан [3], Л. А. Капанадзе [16]); в терминосистемах существуют только «дублеты», не зависящие от синонимов (К. Я. Авербух [1], О. С. Ахманова [2], Д. С. Лотте [21]).

5) Дублетность — проявление синонимии на уровне парадигматики (С. В. Гринев [9]). Так, С. Д. Шелов терминологическую дублетность (дублетность терминов) трактует как «разновидность синонимии терминов, когда для обозначения того же специального понятия наряду с удельным термином-словом или терминологическим словосочетанием употребляют терминологические слова, словосочетания, заимствованные из другого языка (терминологическая дублетность согласно этому подходу, как полагаем, вполне логично становится частным случаем терминологической синонимии)» [29, с. 533].

6) Дублетность рассмотрена в пределах вариантности (А. В. Иванов [14]).

7) Дублетность является точкой пересечения синонимии и вариантности (Ю. В. Сложеникина [25]).

Таким образом, различные представления о явлении близкого и/или тождественного по значению понятия, с одной стороны, обусловлены разными научными подходами к их сущности, а с другой, неустойчивостью номинации предмета исследования.

В системно-структурном терминоведении, ещё начиная с О. С. Ахмановой [2], абсолютную синонимию терминов рассматривали как дублетность, то есть явление, присущее языковым единицам, имеющим

общую предметно-логическую соотнесенность и замещающие друг друга без особых потерь.

Сторонники отождествления понятий синонимии и дублетности предлагают широкий спектр номинаций этого явления, а также соотносимых речевых единиц. В частности, для номинации терминов-синонимов используют термины стопроцентные синонимы (А. А. Реформатский [22]), лексические дублеты (О. С. Ахманова [2], Д. С. Лотте [21]), полные синонимы, тождественные синонимы (С. Г. Бережан [3]), дублеты, дублетные наименования, эквиваленты (В. М. Лейчик [19]) и др.

Значительное количество названий для «тождественных» понятий обуславливает потребность в избрании метаединицы анализа в нашей работе. В терминологии довольно распространённой является номинация *дублет*, однако среди аргументов, которые выдвигают против этого термина, — его многозначность, а также осознание дублета как особой языковой единицы.

В языковедческом обращении используют термин *лексический дуплет* для обозначения абсолютных синонимов, однако этот пример не «работает» на упорядочение терминосистемы. Единицы *дублет* и *дуплет* являются многозначными (совпадают в одном из значений), поэтому и вызывают «неправильные» (неточные) представления о предмете исследования, то есть являются неправильно ориентированными.

Как «условные» номинации функционируют единицы *синоним*, *синонимия*, *синонимические отношения*, а также производные *синонимический* — *синонимичный*.

Рассмотрим терминологический ряд *синонимический* — *синонимичный*. Существование нескольких терминов для обозначения одних и тех же (подобных) явлений требует выяснения значений каждого из них для точного понимания обозначенных ими понятий. В словарях зафиксированы обе лексемы *синонимический* и *синонимичный*. В «Словаре русского языка» разъяснено, что лексема *синонимический* — это «являющийся синонимом, равнозначный или сходный по значению» [24], а *синонимичный* — 1) соотносящийся по знач. с сущ.: синоним, синонимия, синонимика, связанный с ними; 2) свойственный синониму, характерный для него [10]. Но практически все лексикографические труды эти два понятия трактуют как тождественные.

Поскольку нет достаточных оснований для того, чтобы согласиться или опровергнуть (традиционную) тождественность терминов *абсолютный синоним* и *дублет*, приходим к пониманию того, что дефиниции терминов *абсолютный синоним* и *дублет* в полной мере не отражают сущность использования нескольких наименований для одного понятия.

В современном терминоведении относительно явления синонимии преобладает мнение о наличии только абсолютной синонимии, отождествленной с дублетностью. В то же время функционирование дублетов открывает проблему статуса этого явления среди подобных парадигматических отношений, и, соответственно, вопрос выработки критериев для выделения дублетов среди других подобных единиц.

Осознание природы терминов, то есть единиц, которым присущи однозначность, точность и другие свойства, позволило исследователям признавать дублетность проявлением синонимических отношений [16]. Поэтому среди основных критериев выделения терминов-дублетов лингвисты определяют тождество значений этих языковых единиц, то есть полное совпадение их семантической структуры [3].

Доказано, что одинаковые мысли можно выразить единицами, которые отличаются формой сообщения, но передают идентичную информацию. В связи с этим закономерным является вопрос о природе установки тождества, сходства между этими сообщениями (сообщаемой информацией), о том, как происходит у носителя языка переход между этими единицами, где проходит граница между «близостью значений» и «тождеством значений». Так, дальнейшим этапом работы является выяснение специфики семы, которую содержат термины *синоним*, *синонимия*, *дублет*, *дублетность*.

Возможность отождествления абсолютной синонимии с дублетностью свидетельствует о том, что особенностью дублетов является их способность «заменять друг друга в любых контекстах без ущерба для предметно-логического содержания высказывания» [4, с. 31] (функциональный аспект), а это, в свою очередь, позволяет считать критерием дублетных названий «их потенциальную взаимозаменяемость, то есть возможность использования по крайней мере в одной общей конструкции» [4, с. 31], хотя способность быть взаимозаменяемыми для терминологических единиц является в значительной степени следствием синонимии [27, с. 116].

Синонимические слова постепенно дифференцируются и теряют способность быть взаимозаменяемыми. Так, возможность взаимозаменяемости существует только в определённых позициях, то есть когда денотат рассматривают в пределах значений каждой из единиц (знаков).

Поскольку так называемая абсолютная (полная) терминологическая синонимия является условной из-за существования отличительных свойств различных терминов, то условным является и тождество дублетов, способных заменять друг друга. Удобным в связи с этим считаем позицию В. А. Виноградова: «< ... > можно привести пример с терминами билингвизм и двуязычие, которые являются этимологически и структурно точными

эквивалентами друг друга, однако в терминопле лингвистического дискурса отделились и начали обозначать подобные состояния, но в первом случае — индивида, владеющего двумя или более языками (психолингвистический аспект), а во втором случае — общество или социальную группу, используется более чем на одном языке (социолингвистический аспект). <...> такая терминологическая изысканность недоступна для тех языков, откуда пришел термин билингвизм — английского и французского» [6, с. 371].

Так, полная взаимозаменяемость терминов возможна только при условии различных планов выражения, а потому соглашаемся с позициями А. В. Иванова, по мнению которого, весь терминологический массив представлен дублетами (триплетами, тетретами), которые являются совокупностью «вариантов терминов, объединённых в соответствующие ряды на основе орфографического, акцентологического (фонетического), морфологического (словообразовательного) и этимологического принципов» [14, с. 221]. Учёный отмечает, что «несмотря на стирание признаков функционально-семантических различий, результатом которого является то, что синонимы переходят в ранг дублетности, остаётся по крайней мере один признак — этимологический, согласно которому сравниваемые на предмет тождества терминологические единицы могут иметь различия. В контексте этимологии два сравниваемых термина могут иметь разное происхождение, оставаясь при этом семантически и функционально тождественными, то есть такими, которые могут полностью взаимозаменяться (являются дублетами). До тех пор, пока сохраняется хотя бы один признак, по которому термины могут отличаться друг от друга, они могут сохранять за собой, хоть и номинально, статус синонимов» [14, с. 221].

В то же время к критериям выделения дублетов относят одинаковый семантический объём и нулевую прагматику (билингвизм — двуязычие, аббревиатуры — сложносокращённые слова) [18, с. 41]. Понятно, что наличие прагматических характеристик в терминологии сразу вызывает сомнения, однако их существование является закономерным явлением. Так, например, Ю. Е. Ларина доказывает, что «полной» отчуждённости от образных и эмоциональных переживаний нельзя достичь потому, что термин — это слово в лексической системе естественного языка, а потому все знаковые свойства — семантика, синтактика и прагматика — свойственны и ему» [18, с. 64]. Также о существовании прагматики в терминологии (лингвистической терминологии) говорит и Г. А. Иванова [15].

Итак, дублетам присущи следующие признаки: 1) полное совпадение семантической структуры (одинаковый семантический объём);

2) возможность взаимозамены единиц в контексте и вне его; 3) нулевая прагматика.

Дальнейшее изучение явления дублетности приводит к необходимости выяснить, какие из единиц стоит признавать дублетами, а какие — нет, а также из каких позиций стоит исходить в выяснении особенностей дублетов. По мнению Б. Н. Головина и Ю. Р. Кобринина «терминологические дублеты — это слова, сочетающиеся особой терминологической соотнесенностью между самым научным понятием и объектом действительности» [8, с 54]. Такой же позиции придерживается и М. В. Косова, утверждая, что особенности терминологических синонимов обусловлены характером значения терминов, их понятийностью и относительно замкнутой сферой применения, а «между синонимами нет никаких различий относительно содержания» [17, с. 178], поскольку «существуют только абсолютные синонимы (дублеты), использование которых, вероятно, обусловлено желанием уточнить сущность обозначаемого» [17, с. 178].

Как замечает Л. Ю. Буянова, дублетами являются «слова, которые соотнесены с одним и тем же научным объектом и не имеют существенной разницы в денотатах, у них должна совпасть лексическая сочетаемость с другими словами, а также деривационная производность» [5, с. 72], что также является критериями выделения терминов-дублетов. Этот же взгляд отстаивает и А. В. Лемов, который к этим единицам относит «разнокорневые единицы, экспоненты которых выражают единое понятие и соотносятся с единым денотатом» [20, с. 221]. Однако, поскольку «в большинстве таких синонимов есть свои, дополнительные функциональные оттенки» [20, с. 24], то, считает исследователь, избавиться от этого явления невозможно.

При этом отмечаем, что этого мнения придерживаются не все. Так, например, по мнению В. К. Фаворина, между терминологическими дублетами и синонимами имеется существенное различие, заключающееся в выражении объектов действительности. Так, «каждый синоним указывает на действительное, хотя и достаточно тонкое различие между собственно объектами. Дублеты же всегда обозначают один и тот же объект. <...> Терминологические дублеты однопредметные по значению, но отличаются этимологией» [26, с. 46].

Еще одно мнение существует у Э. И. Ханпиры, который, изучая синонимию кратких и полных терминов, считает их дублетами «то есть терминами, синонимичными как по денотату, так и по сигнификату» [28, с. 17], но и частично признает их вариантами «лишь относительно имеющейся возможности выбора различных знаковых сторон для манифестации одного и того же понятия. Только в этом смысле, поскольку

сами по себе разные знаковые стороны ни в коем случае не могут соотноситься друг с другом как варианты» [28, с. 17].

Близи́хих взгля́дов на статус дубле́тов придержи́ваются Ю. В. Сложеникина и К. Я. Авербух, они эти единицы рассматривают сочетающими признаки и синонимов, и вариантов, что является точкой пересечения синонимов и вариантов. Эти единицы «можно квалифицировать и как абсолютные дублеты, и как разнооформленные лексические варианты» [25, с. 134], или же «между дублетами всегда существует также и отношение вариантности, а при условии определения лингвистического статуса вариантных названий мы можем описать их как одну из разновидностей синонимов» [1, с. 82]. В то же время функционирование дублетов в языке вызвано внешними и внутренними факторами: с одной стороны, это заимствование слов, а с другой, стилистическая дифференциация языка, семантические сдвиги, к примеру, «развитие многозначности становится источником абсолютной синонимии» [1, с. 35].

Таким образом, анализируя явления синонимии, вариантности и дублетности, наблюдаем понятийные перекрёсты. Но чтобы в определённой степени упорядочить терминологию теории вариантности, в явлении вариантности выделяем формальную вариантность (проявлением которой является дублетность, то есть абсолютное тождество значений) и семантическую вариантность (синонимию, предполагающую близость значений).

Вариативность рассматривают в синтагматике и парадигматике, учитывая это, возможным становится её изучение в пределах проблемы субституции терминов, то есть субституцию квалифицируют как «явление репрезентации референта текста различными терминологическими и нетерминологическими единицами» [13, с. 8]. Соответственно каждое отдельное употребление термина как одного из языковых вариантов является субститутом, который позволяет сохранять чёткость, точность и качество понятия.

Впервые на субституцию терминов обратили внимание В. Г. Гак и В. М. Лейчик. В аспекте парадигматики исследователи выделили следующие типы варьирования: «в пределах одной терминосистемы — дублеты и морфолого-лексические варианты, в пределах двух и большего количества терминосистем — эквиваленты» [7, с. 49], в синтагматическом аспекте рассмотрены морфологические, семантические и денотативные языковые формы субституции [7].

Впоследствии эту проблему как отдельное языковое явление рассмотрела Е. Б. Жавкина [12]. Изучение фактического материала дало

основания исследовательнице выделить в сопоставляемых языках три типа варьирования терминов: формально-семантическое, проявляющееся в «модифицировании формы термина и незначительном изменении его семантики»; формальное варьирование, выражающееся в изменении внешней оболочки термина при условии тождества значения; семантическое варьирование, основанное на способности термина иметь несколько значений, то есть на полисемии [11, с. 11].

Н. В. Сандалова в синтагматике в зависимости от типа субституции также выделяет формальный и семантический типы терминологических вариантов. Среди формальных субститутов выделены морфологические субституты, вызванные изменением функционального класса речевой единицы (адвокатская коллегия — коллегия адвокатов, правовой институт — институт права), аббревиатуры (ООН — Организация объединенных наций), эллипсы (сертификат эмиссионной ценной бумаги — сертификат ценной бумаги) и невербальные субституты. Семантическая субституция, по мнению автора, обусловлена логико-семантическими отношениями между терминами и понятиями, что отражено такими языковыми формами, как универбация (Министерство юстиции — Минюст); субституты, в основе которых равнозначность понятий; субституты, выделенные путём способности понятий и терминов вступать в родо-видовые отношения [23, с. 43].

Поскольку до сих пор не существует точного критерия для разграничения явлений вариантности (формальной и семантической), обращаем внимание на позицию Ю. В. Сложеникиной, которая утверждает: «если языковые варианты всегда выполняют функцию замещения, то есть тот или иной вариант в каждом употреблении выступает как субститут, то обратной зависимости не существует: слово-субститут не обязательно является вариантной разновидностью какого-то термина» [25, с. 148]. По мнению исследовательницы, основным критерием различения вариантов и субститутов является «принадлежность взаимозаменяемых единиц к одному терминологическому полю: варианты фиксируются лишь в пределах определённой терминосистемы, субституты могут находиться и за её пределами» [25, с. 148].

Итак, анализ исследуемых понятий показал параллельное существование противоположных тенденций к отождествлению и различению синонимии и вариантности как языковых явлений, а также периферийного положения явления субституции. Поскольку в настоящее время недостаточно разработана проблема унификации терминологического аппарата теории вариантности, остаются вопросы относительно статуса этого лингвистического феномена.

Литература

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с. URL: http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_htm
3. Бережан, С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев: Штиинца, 1973. 372 с.
4. Бойцов, И. А. К вопросу о синонимии в терминосистемах // Язык специальности на занятиях по русскому языку как иностранному. Л. : Изд. Ленинградского ун-та, 1989. С. 30–35.
5. Буянова, Л. Ю. Терминологическая синонимия как механизм когнитивного развития языка науки // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. С. 69–74.
6. Виноградов, В. А. Термин научном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2014. № 2 (1). С. 368–372.
7. Гак, В. Г., Лейчик, В. М. Субституция терминов и в синтагматическом аспекте // Терминология и культура речи. М. : Наука, 1981. С. 47–57.
8. Головин, Б. Н., Кобрин, Ю. Р. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
9. Гринев, С. В. Введение в терминоведение. М. : Московский лицей, 1993. 309 с.
10. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
11. Жавкина, Е. Б. Вариативность термина и его субституция в научном русскоязычном и немецкоязычном тексте: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое сопоставительное языкознание». Екатеринбург, 2004. 24 с.
12. Жавкина, Е. Б. Вариативность термина и его субституция в научном русскоязычном и немецкоязычном тексте: дис. ... канд. филол. наук, специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Екатеринбург, 2004. 203 с.
13. Жавкина, Е. Б. Проблема субституции терминов в научном тексте // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Отв. ред. В. И. Томашпольский. Екатеринбург, 2003. С. 158–162.
14. Иванов, А. В. Метаязык фонетики и метрики: монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2004. 342 с.
15. Иванова, Г. А. Коммуникативно-прагматический подход к изучению терминологической синонимии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 210–214.

-
16. Капанадзе, Л. А. О понятии «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 75–85.
17. Косова, М. В. Русская лингвистическая терминология: семантические процессы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 328 с.
18. Ларина, Ю. Е. Прагматика термина как семиотическое свойство: на материале русской лингвистической терминологии: дис. ...канд. филол. наук, специальность 10.02.01 «Русский язык». Ростов-на-Дону, 2007. 164 с.
19. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
20. Лемов, А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии): дис. ... д-ра филол. наук, специальность 10.02.01 «Русский язык». Саранск, 2000. 359 с.
21. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
22. Реформатский, А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 1996. 536 с.
23. Сандалова, Н. В. Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам) // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). С. 42–47.
24. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/>
25. Сложеникина, Ю. В. Терминология в лексической системе: функциональное варьирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, специальность 10.02.01 «Русский язык». М., 2006. 36 с.
26. Фаворин, В. К. Синонимы в русском языке: научно-популярные очерки. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1953. 71 с.
27. Федина, Е. А. Синонимические отношения в немецкой медицинской терминологии: дис. филол. наук, специальность 10.02.04 «Германские языки». Иркутск, 2013. 199 с.
28. Ханпира, Э. И. О терминах и терминологии // Русский язык в национальной школе. 1985. № 4. С. 11–17.
29. Шелов, С. Д. Еще раз о вариативности терминов: термины-словосочетания — особый случай? [Электронный ресурс] // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции. Н. Новгород: ООО «Издательство «Деком» 2016. С. 532–542. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27236701>.
30. Щербина, С. И. К вопросу о терминологической синонимии // Русский язык: история, диалекты, современность. М.: Московский педагогический университет, 2000. Вып. II. С. 105–109.

УДК 001.811

Кравченко Олег Георгиевич

Старший преподаватель,
кафедра специальных дисциплин,
Крымский филиал Федерального государственного
казенного образовательного учреждения высшего образования
«Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: ognevich@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКОВ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИЙ)

В статье представлены механизмы воздействия в научном тексте, примерами которых послужили научные статьи из сборников материалов научно-практических конференций. Рассмотрены основные способы привлечения и удержания внимания на протяжении изложения всего научного текста. Такими способами автор считает содержание речи, сжатость и динамизм, выразительность, призыв к вниманию, нарастание внимания. Важным условием доступности текста является оптимальное соотношение фактов и обобщений, гармония конкретного и абстрактного.

Ключевые слова: механизмы воздействия, научный текст, содержание речи, сжатость, динамизм, выразительность, призыв к вниманию, нарастание внимания.

Oleg G. Kravchenko

Senior lecturer,
Department of special disciplines,
Crimean branch of the Federal state educational
institution of higher education «Krasnodar University of Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation»;
Russian Federation, Simferopol

MECHANISMS OF INFLUENCE IN SCIENTIFIC TEXTS (USING THE EXAMPLE OF COLLECTIONS OF CONFERENCE MATERIALS)

Abstract. *The article presents the mechanisms of influence on the reader in a scientific text using examples of scientific articles from collections of materials of*

scientific and practical conferences. The main ways of attracting and maintaining attention throughout the further presentation of a scientific text are considered. In these ways, the author considers the content of speech, conciseness and dynamism, expressiveness, a call for attention, and an increase in attention. An important condition for the accessibility of the text is the optimal balance of facts and generalizations, the harmony of the concrete and abstract.

Key words: *mechanisms of influence, scientific text, speech content, conciseness, dynamism, expressiveness, call for attention, increasing attention.*

Для цитирования:

Кравченко, О. Г. Механизмы воздействия в научном тексте (на примере сборников материалов конференций) // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 55–63.

В основе всякой человеческой деятельности лежит мотивационная сфера. Поведение всегда направлено на удовлетворение потребностей — физиологических, социальных, духовных. Первые заложены природой, вторые проявляются в обществе, третьи надо воспитывать. Мотивационная сфера организована иерархически: сначала человек должен удовлетворить основные физиологические потребности, затем — потребности в безопасности и комфорте, а уже потом — все остальные. По мнению Ю. К. Картавой, «быстрый и действенный обмен научной информацией зависит от того, как хорошо учёные знакомы с языковыми нормами, соблюдаются ли коммуникативные правила речи, насколько умеют подбирать и варьировать выразительные средства согласно цели высказывания» [5, с. 117].

Научный стиль русского языка, в частности факторы выразительности и читабельности научных и учебных текстов, неоднократно становился объектом научных интересов таких исследователей, как Е. А. Баженова [1], А. А. Билялова [6], Т. Л. Владимирова [2], А. А. Гаврилова [3], А. Г. Исаченко [4], А. Р. Сушкова [6] и др.

Познание относится к духовным потребностям. Ведущей жизненной потребностью оно может стать лишь при определённых условиях. Если человек обделён творческими возможностями, любовь к знаниям, влечение к обучению ему приходится прививать. Дело это нелегкое, ведь познание требует умственных и волевых усилий, умение откладывать на потом удовлетворение других, более «насуточных» потребностей (общения, развлечения и т. п.). Вот почему проблемы, вроде «как облегчить обучение» и «как поощрить ученика», всегда принадлежали к ключевым проблемам педагогики.

Научная деятельность тоже вытекает из познавательной потребности. Поэтому надо вспомнить некоторые психические явления и процессы, участвующие в восприятии текста. Начнём с внимания. Традиционно его изучают в психологии, но поскольку адекватно воспринимать речь без внимания невозможно, оно должно стать полноправным предметом исследований и в языкознании, в частности лингвистической прагматике.

Внимание движет в одном направлении все основные психические процессы — содействие, представление, переживание, память и, главное, мышление. Оно удерживает в поле сознания нужные образы и мысли до тех пор, пока не будет достигнута цель размышлений. Благодаря вниманию психическое отражение становится чётче и яснее.

Рецепт управления вниманием заключается в том, чтобы сначала привлечь его к произведению в целом (с помощью названия, аннотации, эпиграфа, первых абзацев), затем закрепить развитием темы и не отпускать на протяжении дальнейшего изложения материала вплоть до самого конца. Последнее сделать труднее всего: текст надо строить так, чтобы внимание не расплылось, а неотступно нарастало. Для этого есть несколько способов.

1. Содержание речи. Научный стиль невозможен без абстракций и обобщений. Однако на них внимание удерживается хуже, чем на конкретике. Из-за этого содержание научного текста должно быть плотно «встроено» в опыт читателя, должно опираться на то, что ему близко и знакомо. Текст будет восприниматься лучше, если его проблематику раньше обсуждали, и читатель, возможно, над этим уже размышлял. Важно уметь центрировать внимание на основополагающих тезисах, ключевой идее, не распыляя его на мелочи. С помощью языковых средств (лексических, синтаксических, композиционных) надо позаботиться, чтобы второстепенное не воспринималось как главное, а главное — как второстепенное. Например, с помощью риторических вопросов: *«Что мы знаем о профессиональных программах в области развития и их влиянии на процесс обучения учителей? Какие важные направления и стратегии доступны для расширения наших знаний?»* [8, с. 3]. Но, если автор долго излагал сложную для осмысления информацию и чувствует, что читатель может устать, допустимы короткие отступления от основной темы. Они дадут передышку, после чего острота восприятия восстановится.

Поскольку текст отражает результаты рассуждения, ему тоже свойственна целенаправленность (коммуникативная цель). Её наличие свидетельствует, в частности, о монолитной, хорошо выстроенной композиции. При такой композиции каждая текстовая единица имеет определённое назначение, несёт долю информации. Некоторые авторы

говорят о целеполагании уже в первых абзацах: *«Целью данной статьи является анализ антонимов-прилагательных в фольклорных произведениях...»* [8, с. 106]; *«...Соответственно представляется, что именно эта идентичность и подлежит сохранению в условиях объединения с общероссийским образовательным пространством»* [9, с. 15]. Целевая направленность текста, за которой стоит логический закон тождества, позволяет превратить хаотические ассоциации в осмысленный, последовательный поиск. Изложение не «расплывается», теряя главное направление, а сохраняет тематическую определённость.

2. Сжатость и динамизм – все эти черты изложения создают впечатление, что содержание разворачивается живо, напряженно, без задержек. Стремительное «движение» возникает вследствие ритмической смены мыслей, постоянного перехода одного качества в другое. Смысловая насыщенность не даёт читательскому вниманию возможность расслабиться.

Лаконичный текст производит особое впечатление: он дольше держит внимание и сильнее влияет на читателя. Последний лучше запомнит содержание, если его направлять на главное, а не на подробности. Краткость поощряет отслеживать логику изложения, освобождает от посторонних ассоциаций, помогает быстрее найти ключевые места. Например, такой текст: *«Язык — это явление социальное, неотделимое от общества. Каждое крупное событие в истории конкретного народа отражается в его языке. Без знания исторических событий становится сложно понять многие факты данного языка. Таким образом, знакомство с историей английского народа поможет объяснить обилие слов французского, латинского или скандинавского происхождения в английском языке»* [8, с. 74].

Идейный стержень – вот что превращает научное произведение в стройный, цельный организм. Без такого стержня текст будет представлять собой набор фраз. Даже если автору и приходится касаться абсолютно разных вопросов, он должен найти способ соединить их общим замыслом. Тогда текст станет единым целым, несмотря на многочастность составляющих его элементов. Чем больше элементов текста связаны общей идеей, тем больше систематичность и глубина его содержания. Факты, доводы, размышления, оценки, сравнения, наблюдения, примеры, цифры, таблицы, диаграммы, графики – всё должно подчиняться основной цели, способствовать её раскрытию.

Анализ научных текстов свидетельствует, что для этого используются самые разные языковые средства. Например, лексические: *«Основным отличием активного лексического минимума от пассивного является*

уровень владения словом» [9, с. 284]; «Ещё одной важной проблемой теории синонимии является вопрос классификации синонимов» [9, с. 282].

Среди грамматических средств функцию логического ударения выполняют усилительно-выделительные и уточняющие частицы (*только, лишь, даже, именно, действительно, как раз*) и порядок слов как средства логического ударения в пределах предложения. Как известно, в русском предложении ударной является конечная позиция: «...под широким смыслом этого слова мы обозначаем процесс абстрагирования, а под узким — результат абстрагирования» [9, с. 132].

С помощью синтаксических средств можно передавать целую палитру интонационных оттенков, создавать разнообразнейшие акценты и эмфазы. Речь идёт, в частности, о вводных словах и вставных предложениях, присоединительной и причинно-следственной связи. Вот, например, как использует эти средства Г. Н. Боева: «В случае с Крымом это, безусловно, изучение «крымского текста» (не настаиваем на применении этого крайне проблематизированного понятия и готовы рядом с ним использовать такие, как «произведения с крымской темой / образами / мотивами»), что может составить региональную специфику литературоведения, а с другой — вывести в пространство всей русской литературы» [9, с. 15].

3. Выразительность. Однообразное письмо притупляет внимание. Монотонность в изложении привносят предложения одинаковой структуры и длины: они вполне предсказуемы, а потому навевают скуку. Итак, синтаксический строй надо разнообразить. Выразительность создают и употреблённые с чувством меры разговорные, образные, экспрессивные элементы.

Как и обезличенность, книжность — одна из определяющих черт научного изложения. Употребление здесь разговорных, а тем более просторечных или фамильярных элементов обычно квалифицируют как стилевую ошибку, спровоцированную речевым «дальтонизмом» автора.

Подчёркнутая книжность имеет свои основания: она отражает официальные условия, в которых происходит научная коммуникация. А официальность в речи именно и образуется сочетанием книжных и нейтральных средств при полном устранении разговорных [7, с. 80]. Другое основание заключается в том, что научная картина мира во многом отличается от повседневной. В результате, научный язык тоже должен существенно отличаться от разговорного. Научный текст в своей основе является книжно-письменным, и когда в него добавляют разговорные слова или обороты, возникает стилевой контраст. Этот последний повышает

экспрессивность разговорных элементов, помогая выполнять их функцию — глубже раскрыть содержание, показать отношение автора, убедить читателя.

Умеренное сочетание книжных и разговорных элементов лишает изложение монотонности. Приближающаяся к устной книжная речь становится непосредственной и более понятной: «...когда „хорошие обязательно одержат победу, а „плохие“ будут наказаны» [8, с. 206].

4. Призыв к вниманию. Автор прямо отмечает, на что читателю стоит обратить особое внимание. Например: «Рассмотрим подробнее лексику, обозначающую эмоциональные действия самого субъекта. Здесь стоит отметить, что в повести преобладают лексические единицы с негативной коннотацией» [8, с. 167]; «Внимание же к фитонимическим наименованиям связано, в первую очередь, с процессом познания человеком растительного мира в контексте лингвокультурологии» [8, с. 77]; «Обратимся к вопросу значимости собора в жизни героев произведения» [8, с. 37].

5. Нарастание внимания. Интерес к тексту возрастает, если содержание организовано по принципу усиления. В начале автор должен заинтриговывать читателя исследуемой проблемой, а её решение приберечь на конец. По ходу изложения вес, значительность, красноречивость фактов и доказательств постепенно нарастают, доходя высшей точки интеллектуального напряжения. Самые сильные «козыри» приводятся непосредственно перед выводами. Такое изложение напоминает ретардацию — сознательное оттягивание кульминационного момента и развязки, что усиливает напряжённость художественного произведения. Примеры нарастания внимания в научных текстах: «Так вот, несмотря на все вышеперечисленные возможные варианты, сам Михаил Афанасьевич отрицал существование прототипа образа Воланда» [8, с. 41]; «Постараемся ответить на этот вопрос с помощью романа «Бесы» [8, с. 44]; «Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история — о единичном» [8, с. 67]. Но чаще всего нарастание интеллектуального напряжения наблюдаем не в отдельных предложениях, а на уровне всего текста, от абзаца к абзацу.

Запускает внимание такой мощный инстинкт, как ориентировочный (ориентировочно-исследовательский) рефлекс — врожденная реакция организма на любые новые внешние возбудители. Обычно человек ощущает его как стремление разобраться в ситуации. Когда рядом происходит что-то необычное, неожиданное, неоднозначное, этот рефлекс автоматически тормозит все другие раздражители и концентрирует внимание на новом событии — чтобы выяснить его важность.

Именно ориентировочный рефлекс лежит в основе исследовательского поведения. Чем выше уровень психической организации, тем лучше развита поисковая активность. У животных она связана главным образом с борьбой за выживание, у человека — с познанием нового. Желание исследовать окружающий мир — это без преувеличения биологическая по своей природе потребность. «Творчество учёного, — писал биохимик В. А. Энгельгардт, — в самом первоисточнике своём, является следствием врождённой, биологической потребности человека, результат определённого инстинкта. Он ощущается так же властно, как потребность птицы петь или стремление рыбы плыть против течения бурной, горной реки» [10, с. 295]. Видимо, исследователями становятся прежде всего те, у кого ориентировочный рефлекс выражен сильнее, чем у других. От научных поисков они получают такое же удовольствие, как, скажем, спортсмены от двигательной активности.

Внимание привлекает всё, что движется. Движение в тексте — это непрерывное изменение фактов, примеров, мнений, обобщений, подтем и микротем. Если содержательные компоненты чередуются с чётким ритмом, научное произведение становится оживлённым и динамичным. Читать его легко и приятно. И наоборот: однообразие, застой, повторы, длинные описания утомляют и отпугивают. Авторские размышления тоже должны не топтаться на месте, а непрерывно направляться к цели. Стремительное движение содержания вызывает у читателя специфическое ожидание: «Что будет дальше?». Это держит в интеллектуальном напряжении и побуждает дочитывать до конца. Когда требуется в деталях описать сложный предмет или явление, важно найти способ сделать это в виде или развития какой-либо сквозной идеи, или серии опытов, поданных в логической или исторической последовательности.

Еще один проверенный способ возбудить творческое беспокойство — задавать острые вопросы, на которые читатель пожелает найти ответы. Тогда отрезки текста, которые отделяют его от ответов, уже не будут восприниматься как непреодолимое препятствие: «Вопрос состоит в том: кто стремится усилить процесс разрушения духовной значимости родного слова, в создании которого вкладывалось сакральное?» [9, с. 117]; «Как преподавателю, приступающему к разработке уроков или аудиторных занятий, сориентироваться в этом информационном море, к тому же неоднородном в методологических аспектах?» [9, с. 102]; «Как же, в таком случае, к Рубиной относиться?» [9, с. 100]; «Остаётся открытым вопрос: а жил ли писатель в гостинице „Гальяни“ первые несколько дней по прибытии в Тверь?» [9, с. 47].

Таким образом, внимание и познавательный интерес не просто повышают читабельность написанного, а помогают «спровоцировать» у читателя умственную активность, поощрить его мыслить совместно с автором. А простота, являясь критерием истинности научных знаний, одновременно является и нормой научного стиля. Стремление упростить изложение побуждает выделять в предмете главное и отсеивать второстепенное, а значит, приводит к более глубокому пониманию излагаемой информации. Важное условие доступности текста — оптимальное соотношение фактов и обобщений, гармония конкретного и абстрактного.

Литература

1. Баженова, Е. А. Современные подходы к изучению научного текста [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 54–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-nauchnogo-teksta/viewer>
2. Владимирова, Т. Л. Язык и стиль научного текста: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 80 с.
3. Гаврилова, А. А. Метатекстовые элементы в научном тексте [Электронный ресурс]. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 180 с. – URL: <http://csl.isc.irk.ru/BD/Ucheb/Гаврилова%20Метатекстовые%20элементы.pdf>
4. Исаченко, А. Г. О языке научных работ в области географии // Известия Русского географического общества. 2009. Т. 141, № 1. С. 3–8.
5. Картавая, Ю. К. Выразительность научного текста // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы VI Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2023. С. 116–122.
6. Сушкова, А. Р., Билялова, А. А. Проблема лингвистики научного текста [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, Вып. 5. С. 253–256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-lingvistiki-nauchnogo-teksta/viewer>
7. Троянская, Е. С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М. : Наука, 2018. 312 с.
8. Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: сборник материалов научно-практической конференции, 24–25 ноября 2017 г., г. Евпатория / Ред. кол.

Ю. К. Картавая, А. И. Каменский, М. А. Шалина; под общ. ред. И. Б. Каменской. Симферополь : ИП «АРИАЛ», 2017. 296 с.

9. Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 22–23 ноября 2018 г., г. Евпатория / Ред. кол. Ю. К. Картавая, И. Б. Каменская, М. А. Шалина; под общ. ред. И. Б. Каменской. Симферополь: ИП «АРИАЛ», 2018. 300 с.

10. Энгельгардт, В. А. Познание явлений жизни. М.: Наука, 1984. 303 с.

~

УДК 372.881.161.1

Костяникова Алёна Игоревна

Преподаватель кафедры «Русский язык»,
Черноморское высшее военно-морское
орденов Нахимова и Красной Звезды
училище имени П. С. Нахимова;
Россия, Севастополь, e-mail: yadviga_tel@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (B1).
МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ
«ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА»**

В настоящей статье рассматривается организация текстовой деятельности на примере методической разработки практического занятия по теме «Жизнь и творчество А.С. Пушкина», учитывается специфика этапов работы с текстом страноведческого содержания на уровне B1 - первом сертификационном уровне обучения РКИ. Внедрены разнообразные приемы предтекстовой и послетекстовой работы, актуализирующие полученные ранее знания и стимулирующие активную познавательную деятельность курсантов.

Ключевые слова: русский как иностранный, первый сертификационный уровень (B1), текстовая деятельность, лексико-грамматический материал, методическая разработка, А.С. Пушкин.

Alyona I. Kostyanikova

Teacher of the department "Russian language",
Nakhimov Black Sea Higher Naval School
Russian Federation, Sevastopol

**ORGANIZATION OF TEXT ACTIVITY IN RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE (B1). METHODOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE PRACTICAL
LESSON "A.S. PUSHKIN. LIFE AND CREATIVITY"**

Abstract. *This article discusses the organization of textual activity on the example of the methodological development of a practical lesson "A. S. Pushkin. Life and creativity". Considered the specifics of the stages of work with the text of country-specific content at the B1 level - the first certification level of teaching Russian as a foreign*

language. Described various methods of pre-text and post-text work, which actualize previously acquired knowledge and stimulate cognitive activity of cadets.

Key words: *russian as a foreign language, first certification level (B1), textual activity, lexical and grammatical material, methodical development, A. S. Pushkin.*

Для цитирования:

Костяникова, А. И. Организация текстовой деятельности на занятиях русского языка как иностранного (B1). Методическая разработка практического занятия «жизнь и творчество А. С. Пушкина» // Гуманитарная парадигма. 2024. № 1 (28). С. 64–71.

Основной целью текстовой деятельности на занятиях русского языка как иностранного является формирование коммуникативной компетенции обучающихся через восприятие текста. Под текстом понимается как письменное произведение, так и устное, строящееся по законам того или иного жанра, имеющее композицию, логическую взаимосвязь микротекстов, стилистические и грамматические особенности [5, с. 135].

Адекватно текст может быть понят обучающимися только в том случае, если составляющие его компоненты объединены между собой структурными и смысловыми связями [4, с. 257]. А навыки свободной коммуникации на неродном языке развиваются только в том случае, если эти связи воспринимаются обучающимися корректно.

Поэтому специфика работы над текстом на начальном этапе обучения заключается в чёткой поэтапной организации деятельности: необходимости проведения предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений.

Данная методическая разработка предназначена для проведения практического занятия (2 часа) по русскому языку как иностранному (РКИ) уровня владения языком B1. Центральным элементом этого занятия является работа с текстом страноведческой направленности — то есть текстом, отражающим актуальную культуру страны изучаемого языка. А. С. Пушкин является многоплановым культурным феноменом нашей страны: он и гениальный русский поэт и писатель, и родоначальник русского литературного языка, и символ русской культуры [6, с. 101], следовательно, знакомство иностранцев с его фигурой служит не только средством их обучения русскому языку, но и источником культурно и нравственно обогащающей информации о нашем национальном опыте.

Представленный комплекс заданий апробирован в процессе обучения иностранных курсантов подготовительного факультета ЧВВМУ имени П. С. Нахимова (г. Севастополь): практическое занятие для курсантов

Республики Камерун (май 2023 года), практическое занятие для курсантов
Объединенной Республики Танзании (февраль 2024 года).

Тема: Жизнь и творчество¹ А. С. Пушкина.

Учебная цель: ознакомить с жизнью и творчеством А. С. Пушкина;
развивать речевые навыки курсантов, навыки выделения смысловых
компонентов текста.

Воспитательная цель: повышать интерес к культуре России.

Задание 1.

а) Ознакомьтесь с лексикой по теме.

деятель

треть

величайший = самый великий

наследие

случайно/ не случайно

норма

основоположник (сущ.) – положить основы

установлен(-а,-о,-ы) (краткая форма) – установленный (какой?)

полная форма) – от устанавливать (гл.)

современники

потомки

...не только, но и..

ценить

играть роль

Прочитайте текст.

Великий русский поэт

Алекса́ндр Серге́евич Пу́шкин (6 июня 1799, Москва – 10 февраля 1837, Санкт-Петербург) — русский поэт, драматург и прозаик. Один из самых авторитетных литературных *деяте*лей первой *трети* XIX века. А. С. Пушкин имеет репутацию *величайшего* национального русского поэта и является *создателем* современного русского литературного языка. Творческое *наследие* Пушкина включает в себя поэмы, стихотворения, сказки, баллады, повести, романы.

¹ На изучение этой темы отведено два практических занятия (4 академических часа). Данная разработка является первым практическим занятием, потому в его основе знакомство с жизнью поэта, второе занятие в большей степени строится на изучении творчества А. С. Пушкина (основано на работе с адаптированным текстом повести «Метель» и любовной лирикой поэта).

6 июня в России отмечают День русского языка. Эту дату выбрали *не случайно*. Именно в этот день был рождён известный на весь мир великий поэт России — Александр Сергеевич Пушкин. Его манера употребления русских слов стала *нормой* для современной русской литературной речи, поэтому его называют *основоположником* современного языка.

Дата 6 июня была сначала избрана ООН для установления Международного дня Русского языка в 2010 году. Через год по указу президента Российской Федерации праздник стал общероссийским.

Почти в каждом городе России *установлены* памятники великому русскому поэту. Его именем называют улицы, площади, театры и т. д. *Современники* очень уважали талант Пушкина. Ценят его и *потомки*.

Творчество великого русского поэта входит **не только** в русскую культуру, **но и** в мировое культурное наследие. Основные темы произведений Александра Сергеевича — это свобода, любовь, дружба, долг, Родина.

Создатель (сущ.)² – создать (гл.)
Употребление (сущ.) – употреблять (гл.)

б) Ответьте на вопросы.

1. Кто такой А. С. Пушкин?
2. Какую репутацию имеет Пушкин?
3. Что включает в себя творческое наследие Пушкина?
4. Почему День русского языка отмечают именно 6 июня?
5. Почему Пушкина называют основоположником современного русского языка?

в) Ответьте: правда или ложь?

1. А. С. Пушкин родился в XVII веке.
2. 6 июня в России отмечают День русского языка. Эту дату выбрали не случайно. Именно в этот день А. С. Пушкин создал русский язык.
3. Почти в каждом городе России установлены памятники великому русскому поэту.

г) Найдите лишнее или дополните.

1. Основные темы произведений Александра Сергеевича — это свобода, любовь, дружба.

² Данные пометы маркируют лексику по теме «Отглагольные существительные», не являющейся предметом изучения на данном занятии, но освоенные ранее в курсе «Введение в научный стиль речи, в военную терминологию и язык специальности». Выносимый таким образом лексический материал фиксируется обучающимися в индивидуальных словарях для наблюдений.

2. Творческое наследие Пушкина включает в себя поэмы, стихотворения, баллады, повести.

Задание 2.

а) Обратите внимание!

НЕ ТОЛЬКО, НО И...

Пушкин **не только** поэт, **но и** драматург.

Он писал **не только** стихотворения, **но и** повести и романы.

б) Составьте предложения по данной модели (можно использовать компоненты: поэт–писатель; современники – потомки; праздник общероссийский – международный).

Задание 3.

а) Обратите внимание на словосочетания и конструкции. Попробуйте объяснить их значение.

... - ОДИН ИЗ САМЫХ ... ____ - это один из самых ... ____ является одним из самых...

ИГРАТЬ РОЛЬ ____ играть важную роль ____ играть большую роль ____ играть главную роль

б) Приведите примеры предложений с этими конструкциями.

Задание 4.

а) Прочитайте фрагмент биографии А. С. Пушкина.

Маленький Саша рос *читающим* ребёнком. Любовь к книгам определила дальнейшую *судьбу* поэта. Няня Арина Родионовна, *занимающаяся* воспитанием будущего гения, **сыграла важную роль** в становлении его как личности.

Становление (сущ.) – становиться (гл.)

А. С. Пушкин, *выросший* вместе со старшей сестрой Ольгой и младшим братом Лёвушкой, очень любил свою няню Арину Родионовну. Она знала много русских песен, сказок и была замечательной рассказчицей.

Пушкин, с детства *слушавший* народные сказки, песни, пословицы, поговорки, всю жизнь записывал и изучал их. Позже, уже известным поэтом, ему пришлось прожить два года в селе Михайловском — имении отца. Долгие зимние вечера проводил он со своей няней и с интересом слушал сказки. «Что за прелесть эти сказки!» — писал Пушкин брату. «Что за золото эти сказки!»

— так говорил Пушкин писателю Владимиру Ивановичу Далю, прекрасно знавшему русскую поэзию.

Имение (сущ.) – иметь (гл.)

б) Ответьте на вопросы.

1. Что очень любил Пушкин?
2. Почему Пушкин называет сказки «золотом»?
3. Кто такая Арина Родионовна? Какую роль она сыграла в судьбе поэта?

Задание 5.

Как вы понимаете выделенные в тексте слова? От каких глаголов образованы эти формы? Какой другой конструкцией можно заменить предложения с этими формами глаголов?

Задание 6.

Прочитайте стихотворение А. С. Пушкина. Подчеркните незнакомые слова, переведите их с помощью словаря. Скажите, о чём это стихотворение?

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

Задание 7.

Составьте рассказ о выдающемся литературном деятеле вашей страны (или о вашем любимом писателе). Используйте план.

План

1. Имя литературного деятеля.
2. Направление творчества (поэт, прозаик).
3. Основные темы творчества.
4. Знаменитые произведения.
5. Почему вам нравится этот писатель?

На примере представленной выше методической разработки занятия уточним специфику поэтапной работы с текстом страноведческой направленности уровня подготовки В1.

1. Предтекстовая работа.

1.1 Введение лексического материала по теме. Семантизация новых для обучающихся лексических единиц происходит несколькими способами: демонстрацией изображений и видео; путём нахождения точного соответствия (перевода на родной язык); методом аналогий.

1.2 Наблюдение за языковым явлением. Данный приём предполагает проведение лингвистических игр, которые направлены на активизацию познавательного интереса обучающихся и диагностику адаптации к языковой системе русского языка («Правда или ложь», «Найдите лишнее или дополните»).

2. Чтение текста.

Чтение вслух и комментирование текста преподавателем. Вопросы, направленные на выявление первичного понимания текста. Самостоятельное чтение (про себя, по цепочке вслух) и разбор текста курсантами.

Работа с поэтическим текстом. Обучающимся предлагается прочитать текст сначала про себя, затем вслух, с выражением. Для этого целесообразно составить интонационную схему стихотворения (фрагмента) [3, с. 551]. Далее обучающиеся с помощью словаря составляют перевод ключевых слов и воспроизводят смысл поэтического текста («Скажите, о чем это стихотворение?»).

Поэтические произведения дают возможность обучающимся вместе с преподавателем поработать над лексикой языка, помогают увидеть, что художественное слово значит гораздо больше, чем обычное [2, с. 142].

3. Послетекстовая работа.

3.1 Вопросно-ответная беседа по тексту.

Вопросы, направленные на контроль понимания текста в целом; вопросы на развитие навыков ориентирования в тексте.

3.2 Создание коммуникативной ситуации.

Продуцирование курсантами собственного монологического высказывания по теме занятия («Почему имя Пушкина так значимо для русской культуры?», «Расскажите о своём любимом писателе» и т. д.).

3.3 Актуализация пройденных грамматических тем.

Данный вид упражнений реализуется через отработку нового лексического материала. Актуализируемые темы: действительные причастия, страдательные причастия (полная и краткая форма), деепричастия прошедшего времени, отглагольные существительные, устойчивые сочетания

(«играть роль», «иметь значение», конструкция «не только, но и»), творительный падеж в значении характеристики (конструкция «что является чем»), прямая/косвенная речь, предложения с однородными членами.

Литература

1. А. С. Пушкин. Биография [Электронный ресурс] // Александр Сергеевич Пушкин: официальный сайт. URL: <https://alexanderpushkin.ru/> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Дегтярева, А. М. Работа над средствами выразительности языка на занятиях по РКИ (на примере «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина) // Матрица научного познания. 2019. № 4. С. 136–143.
3. Иванова, Е. А. Опыт проведения интерактивного занятия с использованием текстов русской лирики на занятиях РКИ для обучающихся уровня В1 (на примере стихотворения А. С. Пушкина «18 мая 1826») // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза: Материалы II Межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 12 декабря 2019 года. СПб.: Военная академия связи имени маршала Советского Союза С. М. Буденного МО РФ, 2019. С. 549–553.
4. Иванова, Т. М. Система принципов и приёмы обучения лексико-грамматическим явлениям русского языка как иностранного на основном этапе изучения РКИ (на примере словообразования) // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 256–262.
5. Костикова, О. Ф., Чулкова, Е. Н. Этапы работы с текстами страноведческой направленности на занятиях РКИ // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2022. С. 135–139.
6. Трегубчак, А. В. Методические аспекты изучения произведений А. С. Пушкина на занятиях по РКИ // Пушкинские чтения: Сборник научных работ Международной научно-практической конференции «XXVIII Пушкинские чтения», Москва, 17–19 октября 2018 года. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 101–106.

~

Авторам

Приём материалов
в очередной номер № 1 (28) за 2024 год
журнала
«Гуманитарная парадигма»
проводится
до 1 июня 2024 года

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев:

учёных, исследователей,
докторантов и аспирантов,
студентов и магистрантов,
работников культурной и просветительской сфер,
представителей творческой интеллигенции.

Наш журнал

- научно-аналитический,
- практико-методологический,
- литературно-творческий